

Второй шанс. Его дочь

Автор:

Марика Крамор

Второй шанс. Его дочь

Марика Крамор

– Вы ошиблись, я вас не знаю, – грубо бросаю в лицо мужчине. И крепко придерживаю детскую ладошку. – Мама, этот дядя знает, как тебя зовут, – Аня с интересом смотрит на незнакомца.

Он бросил меня пять лет назад. Сказал, что по-настоящему у нас с ним никогда ничего не будет. А теперь он приехал. Потому что случайно узнал о дочери. Нашей дочери.

– Дядя обознался, – запинаясь, наблюдаю, как он зло стискивает челюсти, опасно прищуривается. – Впервые его вижу.

Пусть понимает: в нашей жизни ему нет места.

Марика Крамор

Второй шанс. Его дочь

Глава 1

ЮЛЯ

– Вы ошиблись, я вас не знаю, – грубо бросаю в лицо мужчине.

Он отец моей дочери, но я ни за что не признаюсь.

Я знаю, зачем он здесь. Случайно узнал про дочь и примчался.

Мечтаю провалиться на этом самом месте. И никогда-никогда больше не видеть этого человека. Заглядываю в знакомые темные глаза, вспоминая все то, что чувствовала, когда осталась одна. Боль, обиду. Злость и разочарование, не знающие границ. А теперь...

Его лицо недоверчиво вытягивается. Мужчина из моего прошлого пораженно осматривает меня с ног до головы, не в силах поверить своим ушам. Вот так, господин Айдаров. Считай, что я забыла тебя так же быстро, как и ты меня.

А что он хотел? Узнать, как жизнь? Seriously? Он бросил меня пять лет назад. Просто наигрался и выбросил, как ненужную вещь. Сказал, что по-настоящему у нас с ним никогда ничего не будет.

Как жизнь? Была прекрасна, пока я не встретила ЕГО.

Сейчас к его губам приклеена неприятная ухмылка. А лицо с каждой секундой все больше угрожающе темнеет. И мне отчего-то становится страшно.

– Аня! Домой! Поскорее! – взволнованно зову дочь. Его дочь. И он совершенно точно знает об этом...

Анюта тут же подскакивает ко мне. Она улыбается от счастья: соседский мальчик разрешил ей погладить своего щенка и подержать поводок.

Секунда... и они смотрят друг на друга. Они смотрят. Друг. На друга. Сердце колотится, как сумасшедшее, адреналин стучит в висках, но я стою без движения, ни один мускул на лице не дрогнул. Лишь только крепче сжимаю детскую ладошку. Я выстою. Я смогу.

– Я не пойму, – предупреждение в его голосе звучит, как неприкрытая угроза, – тебе поздороваться влом, Юль?

Анюта чуть наклоняется ко мне, но тихий доверительный шепот ее отец однозначно слышит:

– Мама, этот дядя знает, как тебя зовут.

– Дядя обознался, – сглатываю, запинаясь и наблюдая, как Адам зло стискивает челюсти в ответ на мои слова и опасно прищуривается. – Впервые его вижу.

Последняя фраза в зловещей тишине прозвучала, как выстрел.

Не могу больше. Не могу здесь находиться. Нужно скорее уходить.

Легкий поворот головы, и я замечаю соседку – виновницу торжества. И не только ее. И сразу все становится на свои места. Не ожидала я, что Олечка пойдёт на это. Я ведь ее просила... искренне просила ничего мужчине не рассказывать!

Боже, я до сих пор помню тот день, когда Айдаров, улыбаясь, произнёс, словно само собой разумеется:

«Ну, Юль. Ну ты же не думала, что у нас серьезно?»

Жаль, тогда я не отважилась стереть ладонью его тупую ухмылку!

То, что успела забеременеть, я поняла быстро. Как сейчас помню злость и обиду на весь мир, и дикое разочарование, оставляющее пустоту внутри. Как слёзы обжигали щеки и падали на дрожащие пальцы. А в них – положительный тест. Уже третий по счёту.

«Ты же не думала, что у нас все серьезно?»

В тот миг собственная жизнь полетела к черту, а мечты разбились в одночасье. Все потому, что я ошиблась. Да, я думала, что у нас серьезно. Я думала, что у нас с ним то, чего больше ни с кем другим не будет. Да. Я очень сильно ошиблась... но теперь у меня есть Аня.

Крепко сжимаю ручку дочери и тяну назад. Ни слова не говоря, отворачиваюсь и, поскорее перебирая ногами, поднимаюсь на крыльцо. Скорее. Скорее уйти. Уйти от него, от его взгляда. От его голоса... поскорее убежать от прошлого... скорее. Еще немного, и я окажусь в безопасности.

Заходим с Анютой в подъезд. Я не успеваю выдохнуть, а домофонная дверь не успевает захлопнуться, как в спину остро врезается громогласное:

– В смысле «дядя обознался»?!

Пять лет прошло. Я больше не одна: у меня есть Леша. И я научилась ему доверять. Заново научилась.

А ОН... Пусть проваливает. Когда казалось, что спасения нет, мы справились без него.

Глава 2

За спиной щёлкает домофонная дверь. Этот звук здорово бьет по мозгам. И я замираю. Нужно отдышаться. Перевести дух. Хотя бы минуту. Хотя бы мгновение...

На пару секунд я прикрываю веки и вижу его глаза. Как будто молнией вновь пронзает. Что за насмешка судьбы? После расставания с ним казалось, что моя жизнь разрушена до основания. Хотелось бы больше никогда с ним не встречаться.

Когда я его увидела, первым порывом стало вцепиться в Анютины плечи и спрятать дочь от Адама. Укрыть от родного отца.

Он такой же, каким я его запомнила: крепкое телосложение, наглые глаза с задорным блеском, улыбка короля жизни, вальяжная поза, когда одна нога отставлена в сторону.

Какая же я глупая. Зачем я устроила этот спектакль?! Неужели нельзя было просто поздороваться и сказать, что нам с дочкой пора идти, нас дома ждут. А что?! Это ведь правда! Куча дел нас действительно ждет, но уточнять-то необязательно.

Боже. Сердце все еще колотится как сумасшедшее.

– Мам, ты чего? Пошли домой, – маленькие пальчики сдавливают мою руку, Аня тянет вперед.

– Да-да. Пойдём.

– Мам.

Кажется, собеседник из меня сейчас абсолютно никудышный.

– Ммм?

Дочь встаёт на носочки и тянется к кнопке вызова лифта. Иногда она меня удивляет детской непосредственностью. А иногда шокирует почти взрослой проницательностью.

– Этот дядя тебя точно знает.

– Может быть, видел когда-то.

– Он знает, как тебя зовут.

– Ты в театральную студию пойдёшь завтра? – мне нужно срочно переключить разговор в безопасное русло.

– Мааам, – укоризненно тянет дочь, – завтра же ВОСКРЕСЕНЬЕ! Ты опять все перепутала.

– Ааа, ну да, – лезу в сумку за ключами и хватаю пальцем тяжёлую связку. – Точно, прости, я задумалась.

Дочь заходит в коридор, развязывает шапку и стягивает с себя сапоги. А я все никак не могу прийти в себя.

Через полчаса Анята, сложив вещи, насколько смогла, переодевшись и тщательно вымыв руки, сидела за кухонным столом и причитала, что рис долго остывает. Да, я немного перегрела его в микроволновке. У нас с Аней это нормальная практика.

Стою немного поодаль и жадно всматриваюсь в лицо дочери. Ничего от Адама в ней нет: внешне она больше похожа на меня. Мой цвет волос, светлая кожа, губы, глаза. Зато характер... ээээхх... найти к дочери подход становится все сложнее. Особенно в последнее время.

Адам тоже с горчинкой. Наверное, поэтому я на него сразу запала. Он был весёлым. Дерзким. Самоуверенным и немного развязным. К моему теперешнему стыду, Адаму не понадобилось прикладывать слишком много усилий, чтобы сделать меня своей. Начиналось у нас все очень красиво: огромные букеты цветов, дорогие рестораны, лестные фразы, поздние звонки и смс смелого содержания. Запал и пламя ворвались в наши отношения сразу. Я не оставалась у него ни разу, но в гостях бывала часто. Для меня встречи с Адамом стали чем-то трепетным, невероятным, рвущим душу на части. Мне казалось, лучше его нет мужчины на всем белом свете. А потом... Потом встречи стали становиться чуть реже, а разговоры чуть короче, тусклее. В общем, как эффектно все это началось, так же эффектно и закончилось. Я увидела его с другой случайно.

Адам перенес назначенную встречу. Сказал, что у него машина сломалась и он отгонит ее на ремонт. А меня девчонки позвали в клуб. Я у папы с трудом отпросилась. Так удивительно было увидеть Айдарова в том же клубе, развалившегося на диване. Ещё более удивительным было отметить рядом прекрасную блондинку и то, как преданно она на него смотрела. Невинные касания тогда казались чем-то оскорбительным. До сих пор помню шокирующую картину: под оглушающий музыкальный долбёж девушка с улыбкой на лице придвинулась к нему ближе, положив руку на его колено. А он закрыл глаза и откинул голову назад...

– Мам, ты слышишь?!

– А? – резко дёргаюсь при звуках родного голоса.

– Ты обещала со мной леденцы сделать.

Дочь имеет в виду сахарных петушков. У нас целых три разные формочки, а приготовление сладких вкусняшек – настоящий ритуал.

– Конечно, Анют. Поужинаем, уберём со стола и приготовим, хорошо?

Дочь довольно кивает и возвращается к рису. Он получился слегка переваренным, но с маслом очень даже съедобно.

Смотрю на дочь. Не представляю свою жизнь без неё.

Адам до сих пор ничего не знал. А теперь... Надо ли?

На следующий же день после клуба я рассказала, что поймала его на лжи. Он не стал упираться. Ответил, что да, сходил в выходные в клуб с пацанами – расслабиться. На вопрос о другой девушке он округлил глаза, абсолютно обезоружив меня: «Ну, Юль. Ты ж не думала, что у нас серьезно, правда? Не надо это мне. Да и... Я тебе ничего не обещал».

Я проплакала почти месяц. Потом решила: чего убиваться? Не я первая, не я последняя. Перешагну, забуду. Я смогу. Я сильная. Вот только забыть не получилось. Потому что уже тогда я была не одна. С новостью о беременности я пришла к отцу. Знала, что он разозлится, но к тому, что он сказал, я была не готова.

– Опозорила семью. Вот и иди теперь к своему щенку. А я тебя больше не знаю.

Глава 3

– Привет, Юля.

Дыхание резко останавливается, а пальцы сжимают корпус телефона крепко-крепко. Боже...

Я молча вглядываюсь в неизвестный набор цифр.

Он мне звонит! Звонит!!! Где он раздобыл мой номер? Неужели Оля дала?! Отчего-то хочется подняться и запереть дверь рабочего кабинета на ключ. Чтобы никто не вошел.

– Это тот самый дядя. Который обознался, – продолжает недовольным тоном. Напряжение в мужском голосе чувствуется сразу. Ну да. Адам в выражениях особо никогда не стеснялся. Но сейчас он очень старается держать себя в руках и не сорваться. – Будешь играть в отшибленную память, или сразу по делу?

А смысл?

Сдаётся мне, в нашей с Анюткой жизни грядут неумолимые перемены.

– Привет, Адам. Извини. До меня дошло уже после.

– Приятно слышать, что с твоей памятью все нормально, – в его тоне нельзя найти ничего приветливого. Даже если очень постараться.

– Зачем звонишь? – что? беспечный голос? Кажется, он остался таковым только в моем воображении. А на самом деле вопрос вышел с претензией.

– Встретиться надо и поговорить, – сразу бьет в лоб. Как делал это всегда. А я от ужаса даже в кресло успела плюхнуться. – Когда будет удобно?

НИКОГДА!!!

– Для чего? – выдавливаю сухо и начинаю нервно расправлять разноцветные стикеры на мониторе.

– Ты дурочку-то выключи. Насчёт ребёнка поговорить.

– Насчёт какого ребёнка?

– Ты издеваешься?

– Нет.

Я буду стоять на своём до последнего. Этому человеку не место в нашей с Анюткой жизни. Пусть проваливает ко всем чертям! А нас вообще никогда не трогает!

– Насчёт твоего ребёнка, которому я прихожусь по крови отцом.

– Ааа... вот ты о чем, – теперь хотя бы немного удалось взять себя в руки. И добавить беспечности в голос. – Ох, какие глупости. Адам, если тебе заняться нечем, можешь и других бывших подружек обзвонить. Извини, я на работе. Мне некогда на весь этот цирк отвлекаться. Пока.

Отнимаю телефон от уха и скорее нажимаю на кнопку отбоя, даже не вслушиваясь в то, что отвечает Адам. Я успеваю лишь отметить: мужчина повысил голос.

Ставлю телефон на беззвучный режим и переворачиваю экраном вниз. У меня работы вагон и маленькая тележка. А место редактора в известном журнале, между прочим, досталось мне не так-то легко.

Поднимаю глаза на статью про весеннюю капсулу в гардеробах звезд и понимаю, что совершенно не могу сосредоточиться.

Буквы уплывают куда-то, а перед глазами его ошарашенное лицо, когда он услышал фразу «дядя обозался».

Невольно вспоминаю время, когда я была в отчаянии. Я тогда еще долго думала, прежде чем набрать номер Адама. В итоге решилась: безвыходность заставила меня. Но абонент был недоступен. И к вечеру тоже. Перешагнув через себя, я позвонила ещё несколько раз. Успеха не было. Потом даже приехала. Я отважилась рассказать о беременности, потому что не представляла, как быть дальше. Одной. С малышом на руках. Мне так страшно было... Но меня вновь

ждало очередное разочарование. Тогда я уцепилась за последнюю соломинку: попросила друга Адама передать ему, что я не могу дозвониться, а дело срочное. В ответ услышала фразу, которая меня просто прибила:

«Так он переехал же недавно. В Брюссель».

Я была в отчаянии. Не работала. Осталась одна. Беременная. Только мама меня не бросила, но и она финансово зависела от отца. Я пообещала в тот момент, что обязательно выберусь из этого засасывающего болота. Я поклялась, что встану на ноги. Я обещала себе, что справлюсь. Без него. И у его дочери будет другой отец. Тот, кто ее достоин.

Когда родилась Анюта... даже и вспоминать не хочется. После всего кошмара, что свалился на мои плечи, имя Адама потускнело и размылось окончательно. До сегодняшнего дня...

Из задумчивости выводит осторожный стук в дверь.

– Юль, – Таня – наш журналист – просовывает в щель голову, – ты на обед идешь?

– Чуть позже. Работы много.

Я старалась не думать о том, что в телефоне несколько пропущенных и пара смс от Адама. Я не буду их читать. Сейчас не буду. Позже. Когда напряжение спадёт. Хотя бы после обеда.

Но уже через сорок минут я не выдержала.

«Юля. Либо ты поднимаешь трубку и мы обсуждаем нашу скорую встречу, либо я заявляюсь к тебе домой. И там нахожусь до тех пор, пока мы не договоримся и я сам не пожелаю уехать».

Хорошенькое начало. Кажется, начинается террор. И что теперь делать? Я готова послать бывшего на три буквы. Ни за что не признаюсь, что Анюта от него, пусть валит уже! Папаша недоделанный!

До боли закусываю губу. Ответ вбиваю с остервенением, яростью и злостью. Эти эмоции слились в губительный коктейль, отравляя кровь и ударяя в голову.

«Если ты напугаешь ребёнка, я натравлю на тебя все службы социальной защиты!»

«Если ты продолжишь и дальше упираться, я тебя затаскаю по всем судам! И ты очень пожалеешь, что вовремя не рассказала мне о дочери!»

«Какая дочь?! Очнись! Я ничего тебе доказывать не обязана! Оставь нас в покое».

На экране вновь его имя. Меня буквально трясёт от гнева. Щеки пылают, а пальцы и вовсе уже не слушаются. Сердце стучит так, что вот-вот вырвется из грудной клетки. Но ответить я не решаюсь. Я ему наговорю много лишнего, а потом это может сыграть против меня.

Трусливо пропускаю очередной звонок, хоть внутри все горит и колется. Хочу поскорее забрать мою доченьку из сада. И спрятаться от всего мира за дверь съёмной квартиры.

Пока я разношу Адама в мыслях в пух и прах, вновь приходит сообщение. О чем мобильник сообщает коротким курлыканьем.

Решилась прочитать смс я только дома, после того, как переуступила порог и чуть позже крепко обняла и прижала к себе мою роднульку. Наконец-то. Чувствую себя в безопасности.

«Я последний раз предлагаю. Встретиться и все спокойно обсудить. Если нет – потом не жалуйся. Можем пообедать в субботу. Подойдёт?»

Сначала нужно перевести дыхание. Нет. Сначала нужно хоть немного остудить пыл. А уж потом «спокойно» послать Адама!

– Мам, можно мультики?

Вообще-то я терпеть не могу, когда Аня их смотрит. Всегда выбирает одно и то же. И сидит, вперившись в телевизор. А я себе кажусь никудышной матерью. Всегда куда-то спешу. Всегда занята. Вечерами стараюсь прибраться или на скорую руку приготовить что-нибудь на завтра. Я в последнее время как белка в колесе: столько всего происходит... и хотя бы дома хочется остановиться и просто отдышаться. Глотнуть кофе и разгрузить мозг. Поэтому личное время – это такой же бесценный ресурс, как и здоровье.

Сейчас я и вовсе выбита из колеи и мне нужно побыть наедине с собой, чтобы хоть немного восстановиться.

– Только недолго, Аня. Две серии. И выключаешь.

– Хорошо!

Всегда чувствую себя мегерой, когда что-то не разрешаю дочери, но без этого никак.

Сажу на кровати, обхватив колени ладонями, и опираюсь на мягкую кожаную спинку.

«Игнор – не самая правильная тактика. Поверь».

И следом ещё одно:

«Раз ты молчишь, я считаю предложение пообедать в субботу принятым».

Вот же наглец! А!!

Тут же спускаю на него всех собак.

«Если я молчу, значит, мне некогда. Конечно я не буду с тобой ни обедать. Ни ужинать. Ни завтракать. Прекрати обрывать мне телефон!!!»

И только когда со злостью нажимаю кнопку отправки, понимаю, какую ошибку допустила.

Вообще не осознаю, как так могло получиться, что текст для Адама я набрала в диалоговом окне с Лешей – ну надо же было так пролететь! – и ответ, предназначенный бывшему, улетает настоящему...

Тут же на экране появляется совместная с мужчиной фотография: мы на празднике его друзей. Лёша собственнически обнимает меня за талию, а я глажу его ладонь.

Принимаю вызов, и из динамиков льётся удивлённый мужской голос:

– Юля. А что это сейчас было? Сообщение мне явно по ошибке ушло. Для кого оно?

Ну каааааааааец....

Глава 4

Я чуть не взвыла от несправедливости. Вот как так, а?! Ну так нечестно! Как только Адам появляется в моей жизни, все не просто летит к черту, все сдавливается под прессом!

Прочищаю горло, чтобы собраться с мыслями и получить хотя бы пять лишних секунд на возможность сориентироваться.

– Привет, – ну и что теперь делать? Лгать? Мне это с детства не удаётся. Всегда прокалываюсь. – Да, я ошиблась.

Скрывать правду в данном случае совершенно неуместно. Лёша спрашивал меня в самом начале наших отношений, общаюсь ли я с отцом Ани. И как так получилось, что я воспитываю ребёнка одна.

Ответ вышел довольно правдивым: мужчина меня бросил. Про ребёнка рассказать я ему не успела, потому что он уехал и сменил номер. И это только к

лучшему.

Когда мы с Лешей познакомились и стали встречаться – что тоже, конечно, звучит слишком сильно, потому что поделить личное время между дочерью и мужчиной чаще просто не представляется возможным, – мы сразу обговорили условия.

Видимся два раза в неделю. Один день плавающий, когда получится согласовать время. Второй – суббота, когда мама может остаться с Анечкой допоздна и уложить ее спать. Ночевать мама у меня никогда не остаётся. Папа до сих пор закрывает глаза на то, что она активно помогает мне с моей девочкой, но останься мама у меня на всю ночь – скандал ей будет обеспечен.

– Юля, я слегка обескуражен, – режет по сердцу недовольство Леши, – это мягко говоря. Для кого предназначалось смс?

– Я случайно встретила отца Ани... – тяжело сглатываю и подбираю слова, чувствуя себя очень неловко, будто хочу что-то утаить.

– Правда? – недоверие Леши воспринимаю, как пощёчину. Это очень неприятно. Я в сторону других мужчин даже и не смотрела никогда. Хотя вместе мы не так уж и давно. Чуть больше полугода. – И насколько случайно?

– Ты же не считаешь, что я намеренно искала с ним встречи?!

– Юлечка. Я этого не говорил. Возможно, встреча понадобилась ему? Расскажешь, что происходит?

– Сама ещё не совсем поняла. Но он, видимо, в курсе про дочь.

– Есть мысли, откуда?

– Да. Мысли есть. Поделюсь ими при встрече. Мы ведь увидимся в субботу?

Суббота послезавтра. Лёша всегда настолько спокоен и уверен... вот и сейчас он не изменяет себе.

– Естественно. Только я бы хотел сам к вам с Аней приехать.

Ступор напал неожиданно. Аня отказывается искать общий язык с Лешей, как бы мы с ним ни старались. Дочь воспринимает мужчину как соперника в борьбе за внимание мамы. А я так и не смогла ей объяснить: маме нужен друг, но Анюту он никогда не заменит.

Я очень долго не знакомила Аню и Лёшу. Но когда встречи продолжились, а чувства стали укрепляться, он предложил иногда проводить нам время втроём. Что Анечка, к несчастью, сразу же восприняла в штыки. Пара таких неудачных свиданий, и я решила немного отодвинуть вынужденное знакомство. Дочь до сих пор морщит носик, когда я даже вскользь упоминаю Лешу. А я и не знаю, что с этим делать. Несколько раз я покупала шоколадки и раскраски с любимыми мультяшками, «волшебные» фломастеры и игрушки и передавала дочери словно от него. Но Аня, к моей досаде, к этим подаркам даже и не притронулась.

– Юль, ты меня слышишь? Надеюсь, ты не против?

– Нет. Я не против. Приезжай, конечно.

– Тогда я продолжу совещание, потому что выскочил из конференц-зала, как ошпаренный.

Эта новость бьет наотмашь. Похоже, он все же не такой непробиваемый, каким кажется. Переживает? Настолько, что даже отлучился в самый неподходящий момент, оставив разнос подчиненных?

– Прости, я не хотела, – виновато выдавливаю и опускаю голову.

Становится стыдно. Лёша никогда не выходил из себя, сколько я его знаю. И такая реакция меня действительно очень удивила и расстроила. Я будто провинившаяся школьница и не понимаю, что от меня требуют взрослые.

– Юля?

– М?

– Мне точно не о чем беспокоиться?

Молчание повисает и начинает угнетать. Вот уж не думала, что буду ругаться с Лешей из-за Адама.

– Не доверяешь мне? – вопрос прозвучал ровно, но скрыть нотки горечи не удалось. Мне неприятно. И Леше, как оказывается, тоже.

Может быть, это просто такое испытание между нами? Чтобы понимать, насколько у нас все серьезно.

– Юля. Я тебе доверяю. Поэтому и уточняю. Между тобой и отцом Ани точно все в прошлом?

– Конечно, – заявляю тут же. Тут вообще не может быть никаких сомнений. – Абсолютно.

– Хорошо. Я позвоню тебе вечером, как освобожусь.

«Буду ждать», – произношу и коротко прощаюсь. Отбиваю вызов и прикрываю веки.

Адам так не вовремя. Моя жизнь только-только начала налаживаться. У меня появился мужчина. Анята немного повзрослела, и теперь не так страшно оставлять ее без меня на маму. Были времена, когда я полностью растворилась в ребенке. И даже работа не отрезвляла. Я писала статьи про моду для мам, стиль для женщин в декрете, составляла гардеробы, где первым пунктом идет практичность, а не шик.

Теперь же я хочу хоть немного времени посвящать себе. И да. Я хочу, чтобы в моей жизни был Лёша. А для этого придется приложить невероятные усилия. Как он ещё терпит мою вечную занятость... понятия не имею.

Лёша успешный бизнесмен, мы познакомились на вечере, где я присутствовала как представитель глянцевого журнала. А он – в качестве спонсора мероприятия. Я даже и представить себе не могла, что когда-нибудь у меня может что-то быть с таким, как он. Но... искра проскочила. Поначалу я считала,

что он с легкостью найдёт мне замену, поэтому слишком часто отвечала «нет» и «у меня не получится». Но Лёша продолжал упорно искать встреч, чем заставил изменить мое мнение о себе.

Я очень дорожу мужчиной. Но... дочерью дорожу больше. Наладить контакт не получается. Поэтому я с трудом отталкиваю от себя мысли, что Леше все это когда-нибудь точно осточертеет и он найдёт себе бесппроблемную молодую барышню. Без прицепа от первых отношений.

Глава 5

Готовимся ко сну. Пока я расчесываю мягкие детские волосики, Анюта, как всегда, капризничает. Но я знаю, как ее уговорить:

– Вот зря ты, малыш, спать не хочешь. Завтра нужно встать пораньше. А иначе ничего не выйдет...

Дочь замирает и с подозрительной мордочкой медленно оборачивается.

– Что ты имеешь в виду?

– Завтракаем в кафе. Заказываем сырники с клубникой и молочный коктейль.

– Ура! – подпрыгивает на месте и обнимает меня. – Правда?

Ради таких моментов и счастливого блеска в ее глазах я готова на что угодно. Даже вставать ни свет ни заря в выходной, основательно приводить себя в порядок и уверенно топтать в сторону детского развлекательного центра, зевая на ходу.

– Конечно правда. Поэтому ложись поскорее, закрывай глазки и засыпай. Завтра нас ждёт насыщенный день.

О самом главном я предпочла трусливо умолчать. Лёша приедет к двенадцати. А до этого времени я бы хотела провести с дочкой замечательное утро. Без обид и надутых губ.

Обычно Лёша не настаивает на приездах. Мы чаще видимся на его территории. Или нейтральной... и меня это очень даже устраивает. Уезжаю, когда сама захочу. Не заморачиваюсь с готовкой, кристальной чистотой и всем тем, чем должна похвастаться уважающая себя дамочка. Я уже скатилась до того, что вызываю клининг и периодически заказываю доставку еды. Вот что значит быть работающей мамочкой-одиночкой. Времени не хватает катастрофически!

– А ты полежишь со мной? – смотрит на меня с надеждой. Этот щенячий взгляд каждый раз рвёт душу.

– Конечно, – провожу ладонью по волосам Ани и откидываю одеяло. – Залезаем!

Выключаю свет, мы располагаемся на Анюткиной кровати и укрываемся одеялом. Одним на двоих. Оплетаю рукой талию дочери и прижимаю малышку к себе крепко-крепко, вдыхаю запах ее волос, нежный, детский...

– Мам.

– М?

– Не обнимай меня. Мне жарко.

Я закатываю глаза, но вслух произношу примирительное:

– Ой, конечно, не буду, прости.

Вытягиваюсь и убираю руки под голову. Глаза потихоньку привыкают к темноте.

– Расскажи сказку, – тихим голосом просит дочь, снова зевая.

– Ладно.

Сказку я выбрала подлиннее. Во-первых, Аня уснёт под неё. Во вторых... это даёт возможность не думать о прочитанной смс от Адама.

«Я тебе четыре раза звонил сегодня. Юля, не доводи до конфликта. Мое терпение заканчивается».

Не понимаю, что делать, я не хочу его видеть рядом с собой и Анюткой. Для него все было просто развлечением. Ну так пусть и дальше идёт по жизни играючи. Что он задумал? Вот так просто появиться? «Привет, я здесь. Пришел права качать. Яжебать». Тьфу, противно! Особенно та сцена в клубе, где он был с другой. До сих пор стоит перед глазами. Он сам ещё как ребёнок. Бросил меня, даже не подумав о возможных последствиях!

И я без него выкарабкалась. Я смогла. А он пусть благополучно ищет себе барышню, с которой все будет серьезно.

– Мам. Ты начинаешь?

– Начинаю. Жили-быыыли...

Сказка оборвалась неожиданно, когда я поняла, что сама чуть не уснула. Аня лежит у меня на плече и сладко сопит мне на ухо. Ее гладкие пряди щекочут шею, а я ловлю каждую секунду растворяющегося момента.

Мне надо мгновенно взбодриться. Я осторожно выбираюсь из-под дочки и заботливо укрываю ее.

На кухню плетусь медленно. Вот как ей это удаётся? Стоит прилечь к ней хоть на пять минут... все. Я тут же проваливаюсь в сон. Кто кого спать укладывает?!

Щелкаю чайник, избегая мыслей об Адаме. Я что, обязана ему отвечать? Я вообще ему ничем не обязана. Завтра же позвоню Оле и все ей выскажу! Как она могла рассказать правду?! Я ведь просила ее не говорить!

И что теперь делать?! Ни при каких обстоятельствах не признаюсь ему! Ни при каких.

Но ситуация абсурдна. Он обрывает мне телефон. Грозится ненавистной встречей. А завтра, между прочим, Лёша приезжает. Мне что, телефон прятать?! Это нечестно! Вот так нагло с ноги врываться в мою жизнь! Как проходные ворота, ей-богу! Захотел – пришел. Захотел – ушёл.

Наливаю чай, согревая ладони о горячую кружку. По спине ползёт озноб. Просто молчать и прятать голову в песок не вариант. А что тогда? Так хочется иногда поделиться с кем-то очень значимым для меня... спросить совета. В последнее время я делилась с Лешей. Его советы очень ценные. Его мнение для меня самое авторитетное, но... не в этой ситуации. Мне придётся действовать самой.

Ещё раз кошусь на телефон. А потом плюю на все, разблокирую и вбиваю номер Адама в список контактов. Врага нужно знать в лицо. В данном случае – буквально.

Уверенно жму на вызов и напряжённо вслушиваюсь в длинные гудки. И когда они прекращаются, а в трубке звучит ЕГО голос, сердце падает в пятки.

– Слушаю.

Сухой деловой тон собеседника не придаёт мне уверенности. Но я обязана взять себя в руки. Адам не должен догадаться, что у меня дрожат пальцы и колени. А ещё приходится прочистить горло, прежде чем начать разговор.

– Я на две минуты. Надолго не отвлеку, – начало вроде неплохое. Голос твёрдый. Аллилуйя!

– Да хоть на полчаса. У меня времени вагон, – как всегда, с оттенком надменности бросает в трубку.

– Мне кажется, ты здорово перегибаешь.

– А мне так не кажется, – разрезает и без того напряжённую атмосферу.

– Адам. Ты с ходу ворвался и ставишь свои условия. Очнись. Ты предъявляешь посторонней девушке глупые претензии.

- Я предлагаю мирно обсудить за столиком в ресторане. Если бы ты согласилась, мы бы цивилизованно поговорили. Но приходится добиваться упорством.
- У меня нет возможности тратить драгоценное время на пустые разговоры.
- Кто отец твоей дочери?
- Не ты. На этом все?
- Нет, – рычит в трубку, и я прикрываю глаза, не сумев сдержать тихий разочарованный вздох. – Встречаемся завтра. Около двенадцати. Заеду.
- Адам, ты себя слышишь? У меня своя жизнь. Свои планы. Завтра выходной, я не собираюсь переносить дела и назначенные встречи только ради того, чтобы ты мог высказать свои надуманные претензии.
- Завтра, – чеканит каждое слово. – В двенадцать. Я приеду. И мы с тобой обсудим сложившуюся ситуацию.
- Меня дома не будет. Мы с Анютой уезжаем рано утром. Прекрати разговаривать так, как будто я пустое место. Адам. Я завтра занята. А для тебя буду занята и во все остальные дни.
- Прекрасно. Тогда я заручу к тебе на работу, за руку вытяну из-за стола и затащу в тачку. И поедем уже не в милое кафе, а, к примеру, ко мне домой. Где точно никто не помешает.
- Звучит как угроза.
- Ну что ты. Это всего лишь ласковое предупреждение.
- Все ясно. Нам говорить не о чем. Зря я позвонила. Всего хорошего тебе, Адам.
- Подожди! – столько резкости в его голосе, что я, вопреки воле, замираю, затаив дыхание.

– Кроме угроз хочешь ещё ведро помоев на меня вылить? – уточняю между прочим. Мне на самом деле все равно. Абсолютно.

– Когда ты сможешь увидаться?

Я округляю глаза, не веря недовольному примирительному тону. Адам пошёл на уступки?!

– Ты меня не слышишь. У нас нет причин с тобой видаться. Я не хочу.

– Выбирай сама. Либо я припрусь к тебе домой. Тогда, когда будет удобно мне. Либо ты говоришь, куда подъехать и когда.

– Я подумаю, мне идти нужно. Всего хорошего.

– У тебя два дня. Если я не получу смс с координатами и временем, можешь готовиться к приему гостя.

Отбиваю звонок с раздражением и дикой досадой.

Высокомерие Адама поистине выводит из себя. Как я раньше этого не видела?

Откладываю в сторону телефон и оседаю на стул. Закрываю лицо руками, пытаюсь понять, насколько я попала. И что теперь делать? Это же надо, чтобы судьба вот так чудовищно надо мной посмеялась!

Не представляю, что он сможет сделать.

Места себе не нахожу.

Лёша только что прислал короткую и довольно сухую смс.

«Спать ложусь. Вымотался».

В этом весь он. Эмоций мало. Слов тоже. Помню, как мама учила когда-то: не слушай мужчину. Смотри на его поступки. Вот это как раз о Лёше. Сам он

вальяжный. Никогда не торопится. Ко всему подходит с чувством, с толком, с расстановкой, как любил говаривать дедушка. Лёша чуть повыше меня, крепкого телосложения. Предпочитает официальную одежду. А ещё он бреет голову налысо. Отчего его профиль становится ещё суровее.

Внешне он мне не сильно понравился. Изначально. Зато теперь мужчина кажется жутко привлекательным и мужественным. Надёжным. Добрым и заботливым. А его улыбка ценится очень дорого.

«Засыпай. До завтра».

Недолго думая, ставлю в конце поцелуйчик. Жму на кнопку отправки и укрываюсь.

Но телефон все равно продолжает жечь руки. Нужно что-то сказать Адаму. А если он и правда завтра приедет?! Это будет невероятная сенсация. Разрушится все, а самое главное, Анюта перенервничает или испугается. Он, кажется, вообще меня не слышит. Вот упёртый! Как и раньше...

Я готова признать поражение в этом раунде. Проиграть битву, чтобы потом выиграть войну, как говаривал один известный полководец. Я должна это сделать.

«В понедельник. 12:10. У меня будет обеденный перерыв. Можешь подъехать к издательству. Ждать?»

Ответ приходит незамедлительно:

«Да. Адрес скидывай».

Глава 6

Раздается звонок в дверь. Странно. Еще нет двенадцати, а Леша всегда приезжает точно в назначенное время. Аня уже сидит насупленная в своей комнате. А меня не покидает чувство, что я совершаю ошибку. Очень большую ошибку.

– Привет, Юлечка.

На пороге появляется мой мужчина. С легкой загадочной полуулыбкой. В его руках два букета. В одной – длинные массивные белые розы, перехваченные широкой салатовой лентой. В другой – чудо-букетик для Анечки. Нежные розовые мелкие бутоны, чье название никак не запоминается, разбавленные зелеными веточками. В центре, кажется, находятся конфеты.

– Я немного раньше оговоренного времени. Ничего?

– Все в порядке, проходи, – с улыбкой принимаю презент.

Лёша бесхитростно проходится губами по моей щеке и скользит внимательным взглядом по коридору.

– А где Аня?

– В комнате.

Мне неприятно, что дочь невзлюбила Лёшу, он ничего отталкивающего не сделал. А она даже не выйдет поздороваться, намеренно.

– К ней можно? – кивком указывает на букет.

– Чуть позже, ладно? Пройди пока на кухню. Кофе будешь?

– Не беспокойся, ничего не нужно.

– Ладно. Я загляну к Аняте. И сразу к тебе.

– Тогда передай ей сама?

– Я попробую ее заманить к нам.

Тихонько стучусь в дверь. Я Аню с детства приучаю к личным границам: если дверь закрыта, нужно постучать. И дожидаться ответа. Врываться неприлично. Это правило должно работать в обе стороны.

Ответа все нет, и я медленно приоткрываю дверь и заглядываю в щель.

Малышка сидит на ковре в окружении игрушек. И разливает воображаемый чай в кружечки.

– Можно к тебе на минутку?

– Да-да. Ты можешь войти, – бросает воодушевленно, даже не поворачиваясь в мою сторону. Причём искусно подчеркивает, что войти могу только я...

Нежно улыбаюсь. Королева разрешила к ней приблизиться.

– У тебя всё хорошо?

– Да, я друзей чаем угощаю. Хочешь с нами поиграть? – уточняет с надеждой.

А сердце мое разрывается.

– Конечно хочу, – протягиваю руку и жду, пока в ней окажется детская пластмассовая кружка. Подношу ее к губам и делаю вид, что отпиваю.

– Мммм, божественно. С этого дня приготовление чая лежит на тебе.

– Ты мне чайник не разрешаешь трогать, – растягивает губы и подвигает ко мне «печенье». – Угощайся.

– Спасибо. Кстати, у нас гости. Может, поможешь мне чай заварить?

– Нееее, я занята. Ты что, не видишь?

– Должен ведь у тебя быть перерыв. А там, – загадочно киваю на дверь, – тебя ждёт сюрприз. Для принцесс.

Глаза Анюты жадно загораются. Фууух!

– А что там? – вытягивает шею и косится на дверь.

– Пойдём у Леши спросим. Он старался для тебя.

– Аааа, – разочарованно тянет дочь и тут же отвечает привычным задорным голосом, – у Леши... нет, ты без меня иди. А я тебя тут подожду.

– А пойдём чай попьем? В вазочке твое любимое курабье.

– Ты иди-иди, мам. Я здесь чай попью. С друзьями.

Скорее всего, она просто так это сказала. А мне кажется, что последней фразой она, не раздумывая, вычеркнула из разряда друзей не только Лёшу, но и меня.

Подвигаюсь ближе. И обнимаю ее. На глаза наворачиваются слёзы. Ну почему он ей так не нравится? Что я делаю неправильно?

– Я тоже всегда буду твоим другом. Всегда, Анют.

Малышка прижимается в ответ.

– Мам. Ты иди. Мне скоро друзей спать укладывать.

– Хорошо, солнышко. Мы тебя будем ждать, приходи, как зверята заснут.

Тихонько щёлкаю ручкой. И останавливаюсь, прижимаясь затылком к дверному полотну.

На сердце так тяжело... я не знаю, как подступить. Просто не знаю.

Смаргиваю слёзы, натягивая улыбку, и направляюсь на кухню.

Лёша сидит за столом, погруженный в телефон. Букет для Анюты сиротливо лежит на подоконнике. Завидев меня, мужчина отодвигает мобильный и улыбается.

– Сегодня я вновь в немилости?

– Извини, – произношу устало и все же тянусь за кофе.

– Ты сильно выматываешься в последнее время.

Лёша неслышно приближается сзади и обнимает меня, целуя в макушку.

– Может, ей тебя не хватает? Возьми отпуск. На неделю. Съездите с Аней отдохнуть куда-нибудь. Я оплачу путевку. Побудете вдвоём. Отлично проведёте время. Ты восстановишься.

– Работы много. Пока не могу. Да и неловко мне соглашаться на такие предложения.

– Чтоб я этого больше не слышал. Раньше так много не работала. Ты и мне сейчас меньше внимания уделяешь.

– Извини, – твержу одно и то же и кладу ладонь на крепкое мужское запястье. – Навалилось все как-то. Я разгребу скоро.

Лёша накрывает губами мое плечо сквозь одежду.

– Хотелось бы, – он замолкает на минуту, а я чувствую, что воздух начинает сгущаться. – Юль, что делать будем?

Заставляет повернуться в его руках и ловит мой взгляд.

– В каком смысле?

– Она меня не принимает. Ты же видишь.

Это болезненная тема для нас обоих. Лёша правда старается найти с Аней общий язык, и я должна ему в этом помочь, но все мои усилия всегда насмарку.

– Мы с тобой-то почти не видимся. Что такое короткие разговоры по телефону? Это ничто.

– Леш, мне самой сейчас сложно. Анечка взрослеет, у неё проявляется характер. Переходный возраст и все такое, – кладу ладони на его плечи.

– Мне кажется, пора что-то с этим решать. Давай обсудим, когда она спать ляжет?

– Хорошо, – соглашаюсь, а внутри как будто кто-то опустил рубильник. Я не хочу сейчас ничего решать...

– Ты подумай насчёт отпуска, я абсолютно серьезно. Что ты там про кофе говорила?

– Ты мне расскажешь о встрече с Аниным отцом?

Дочь недавно заснула. Мы втроем пообедали, что уже само по себе стало огромным шагом вперед. Аня, правда, почти не участвовала в разговоре. Цветы она поставила в вазу вместе со мной, но отнесла их в коридор. Хотя когда я ей недавно приносила букет гербер, она не выпускала его из рук весь вечер.

Поднимаю затравленный взгляд на Лешу и пытаюсь сформировать вразумительный ответ.

– Конечно. Моя подруга встречается с братом папы Ани. Это очень неожиданно вышло. И...

– И ты рассказала ему о ребенке.

– Нет. Я бы не хотела, чтобы он участвовал в ее жизни. Поэтому я всячески упорствую. А он, видимо... – ну какое слово тут подойдет? Кроме как «случайность»? Это же все чистая случайность! – Догадался и уже не отстаёт.

– Нужна помощь?

– Нет, я сама разберусь.

– Почему ты против? Он же отец. Если бы я оказался на его месте, я бы хотел знать. И сам сделать выбор: участвовать или нет. А ты сейчас неправа, извини, Юль.

Лёша, не отрываясь, смотрит на меня и подпирает ладонью подбородок.

– Ему это не нужно было ни тогда, ни сейчас. А для Ани лишнее потрясение. Она и так тяжело воспринимает тебя. А тут ещё один... «кто-то». Какой папа? Папа – это кто воспитывает. А не кто...

Окончание фразы проглатываю. Вряд ли Лёше приятно это слышать.

– На практике – да. В теории – нет. Мне кажется, тебе нужно обдумать. У меня вопрос в другом. Ты говоришь о нем, а глаза загораются.

– Мои глаза его даже видеть не хотят.

– Так сильно обидел?

– Лёш, это обязательно обсуждать? – не выдерживаю. – Я не хочу, чтобы он присутствовал в ее жизни.

– А в твоей? – ошарашивает полностью.

Глубина вопроса утягивает вниз.

– Что за вопросы? – я возмущена до глубины души. – Конечно я не хочу. Даже и речи нет.

– Тогда расслабься. Устрой встречу. Захочет – пусть общается. Это будет честно для всех. Для меня важно другое. Мы же доверяем друг другу, правда?

Эта фраза меня здорово шокировала.

– На что ты намекаешь? Что я побегу к нему с распростертыми объятиями? У нас с ним все закончилось давно, здесь нечего даже обсуждать.

– Юля. Я хотел бы обозначить свою позицию именно сейчас. Для меня все серьезно, – какой неожиданный и слишком разительный контраст. Леша и Адам. Для одного все серьезно. Для другого – нет. – Наши с тобой отношения. Встречи. И мы оба должны понимать, к чему все идёт. Я бы хотел, чтобы вы с Аней в перспективе переехали ко мне. И мы с тобой наши отношения узаконили. Сейчас это кажется чем-то очень далеким. Согласен. Но я хочу, чтобы было четкое понимание, что будет потом. С появлением третьего лица мое понимание несколько расплывается.

Я молча моргаю и не могу отвернуться. Узаконить...? Я... да, любая женщина хочет иметь официальные отношения, настоящую семью... но сейчас это заявление, откровенно говоря, ошарашило.

– Юля, я хочу, чтобы ты помогла мне наладить отношения с Аней. Сам я не могу этого сделать. А такое положение, как сейчас, меня не очень устраивает. Тем более, когда появится настоящий папа. Это все нужно как-то решать. Обговаривать. И да, я бы хотел быть в курсе ваших встреч, того, как часто вы будете общаться. На какой ноте. Где бываете. Как будете проводить время. Я бы хотел, чтобы ты позволяла мне интересоваться этим. Для меня это важно. И мне нужно точно знать, что вас с ним, кроме общего ребёнка, уже ничего не связывает.

Я потрясенно выдыхаю. Не в силах выдать ответ. Вообще никакой.

– Юля, ты сама задумывалась о своём будущем? Для меня там предусмотрено место или нет?

– Я... я... задумывалась, да. Леша, ну конечно предусмотрено.

– Тогда обдумай, пожалуйста, все, что я тебе сказал. Мне бы не хотелось в итоге оказаться у обочины. Ты для меня слишком много значишь.

Последние слова повторялись в голове почти весь оставшийся день. Лёша побыл со мной ещё около часа и уехал. А я до сих пор не могу отойти от разговора. Наверное, я должна радоваться, а почему-то ощущаю себя в ловушке. Между Лешей, Аней и Адамом. Я так устала за последнее время, что мне совсем не хочется ничего решать...

– Мам, скоро совсем темно будет. Мы на горку пойдём или нет?

– Пойдём, если хочешь, – не узнаю свой голос. Какой-то прибитый.

– Хорошо! У тебя телефон звонит! – и убегает в свою комнату.

Как только я полосую взглядом экран, начинает покалывать ладони. Адам.

– Юль. Есть вероятность, что я в понедельник чисто физически не успею до тебя доехать. Можем пересечься завтра. Или я могу сейчас подскочить, куда скажешь. Ты не против?

Глава 7

– Нет, выходные расписаны. Если не сможешь в понедельник, то лучше перенести.

– Давай я сейчас подъеду? – как будто не слышал, что я только что сказала.

– Не получится. В другой раз тогда. Мне бежать к дочери нужно, пока.

Отнимаю телефон от уха и слышу отдаляющийся разочарованный ответ:

– Пока.

Хоть он и говорил, что не сможет, но он смог.

Его смс ровно в одиннадцать выбила из колеи. Я уже расслабилась и перестала переживать о встрече, но напоминание об Адаме вновь маячит перед глазами.

«Все в порядке. Успеваю. Приеду, как договаривались».

Каких же невероятных усилий мне стоило не трусливо промолчать или все же не перенести встречу, сославшись на срочные дела, а ответить ровное:

«Ок».

И вот теперь, пытаюсь держать лицо и грациозно вышагивать на негнущихся ногах за прилегающую к издательству территорию, я нарочно не смотрю по сторонам в поисках мужчины. Иначе точно буду выглядеть испуганно и суетливо.

В назначенном месте никого нет, и я позволяю себе медленно пробежать глазами вокруг.

Внезапно из-за угла на немалой скорости вылетает белый Порше. Окна, видимо, чуть приоткрыты: из салона льётся динамичная музыка.

Мда уж. Кажется, я знаю того, кто за рулём...

Несмотря на всю неприглядную картину, машина плавно тормозит и останавливается около меня. Выходит Адам.

Он всегда любил рисоваться. А я не могу промолчать, когда он приближается и с легкой ухмылкой без намёка на приветствие распахивает передо мной дверь.

– Как был позёром, так и остался, – начинаю осуждающе. Терпеть не могу громкую музыку из авто. Как будто за рулём не взрослый мужик, а студент, только что получивший права и который пытается казаться крутым. Да. После Адама я думаю именно так.

– Тоже рад тебя видеть, – отбрасывает вмиг мои нападки и миролюбиво предлагает. – Располагайся.

Подаёт мне руку, чуть придвигаясь ближе. И я вижу, как он морщится. Он, кажется... оступился? Но ни звука не издал, лишь плотнее сжал губы.

– Все в порядке?

– Нормально, – цедит сквозь зубы. – Садись.

Только когда Адам стал обходить машину, я заметила, что он прихрамывает.

Он занимает своё место и глядит по зеркалам.

– У тебя нога болит?

– Нет, – слишком раздраженно, но я же вижу, что он обманывает.

– Ну-ну. Тебе безопасно за руль садиться?

– Говорю же, нормально все, – отмахивается, как от надоедливой мухи, и продолжает, – сколько у нас есть времени?

– Полчаса, – выдавливаю, отворачиваясь.

– И все? – удивленно косится.

– Попробуем хотя бы это время провести в мире и спокойствии.

– Согласен.

Вот же! Кажется, теперь я понимаю, от кого Аня унаследовала свою дурацкую привычку: чуть что, сразу насупиться. И глаза к потолку. Это я сейчас.

– Я глянул местные кафе. Выбрал ближайшее.

Названия я раньше не слышала.

– Как скажешь. Мне без разницы.

«Где послать тебя за звездой», – заканчиваю в мыслях.

– Самый главный вопрос: почему не сказала. Но ответа я вряд ли достоин, верно? – я стряхиваю с себя наваждение, с усилием отрывая взгляд от его кистей и ладоней.

«Какая потрясающая пронизательность!»

– Адам, времени не очень много. Можно ближе к делу.

– Я хочу познакомиться с дочерью.

– Пусть тебе любимая женщина ребёнка родит. И знакомься на здоровье.

– А я хочу познакомиться с тем, что уже есть. Сколько ей лет?

– Моей, – выделяю это слово ударением, – дочери четыре. Но к тебе она отношения не имеет.

– Я хочу, чтобы ты мне о ней рассказала.

Нормально?! Кажется, мои последние слова в полном игноре.

– Я не распространяю личную информацию посторонним людям. С ума сошёл?

– Так, ясно. Ты решила поумничать. Отлично.

Убежать от правды не получится. И я по глупости сама открыла ее подруге.

Мы с Олей – моей беременной подругой – недавно встретились после работы и вместе шли домой, забрав Анюту из сада. У подъезда ждал Олин мужчина, я видела его впервые. Каково же было мое потрясение, когда я узнала в нем Адама. Это было что-то кошмарное. Я, совершенно не контролируя себя, застопорилась, наговорила Оле всякий бред про какие-то забытые на работе статьи, вещи и как можно скорее сбежала. Чтобы Адам меня не дай бог не увидел. А потом Оля... я даже не знаю, как так получилось, что подруга вывела меня на признание: ее мужчина – отец моей дочери.

Мы с Олей были знакомы недолго, но я вопреки этому чувствовала в ней какой-то отклик, что-то родное, она мне очень нравилась. Улыбчивая, незаносчивая, добрая. Со своими проблемами, но ни на кого их не вешает. В общении легкая, хоть я подозревала, что у Оли на самом деле жизнь не сахар. И все равно она всегда была корректна, приветлива, к Анечке с первого дня была расположена особенно хорошо.

Как-то очень горько было от осознания, что Адам и тут нанёс мне сокрушительный удар. Общаться с Олей дальше я не могла. Нет. Конечно нет. И знать, что в ее животе растёт и развивается брат или сестра Анюты. Точно бы не смогла. Я даже готова была переехать от них подальше, но, как впоследствии открылось, Адам оказался ни при чём. А мой секрет уже был раскрыт. И за язык меня никто не тянул.

А значит, появление Адама было лишь вопросом времени. Зачем я вообще что-то поясняла?! Ну точно. Дура набитая.

– Адам. В свидетельстве о рождении Анюты в графе «отец» стоит жирный прочерк. Так что отца у неё нет. По документам.

– Юля. Мы адекватно вообще-то можем поговорить?! Ты мне ничего не сказала. Это нормально, по-твоему? То есть я мог вообще о ней никогда не узнать?

– Считаешь, что девушки, которых ты бросаешь после мимолётной связи, должны порог дома тебе обивать?

– Если беременны моим ребёнком, то да. Должны. Во всяком случае, это было бы честно.

– Честно было бы вдвоём разгрести последствия. И сразу озвучивать...

Что для него все несерьёзно...

Я, наверное, так жалко выгляжу в своём возмущении... хотя... какая уже разница.

Но от правды не убежишь. И он ее знает.

– Тебя пять лет не было. И без тебя жилось замечательно. К нам с дочкой можешь и не приближаться, ты нам вообще никто. Если собрался поиграть в новоиспеченного папочку... что ж. Тебе это слишком дорого обойдётся.

– Я найму адвоката, – резко подаётся вперёд. Кажется, кто-то в бешенстве. Вон слова цедит. – И обяжу тебя допустить меня к дочери.

– Адам. Это все долго и мучительно. Ты подумай: оно того стоит? Если хочешь биться головой о стену – пожалуйста. Хоть до сотрясения. Выбор за тобой. Но я тебе не облегчу ни единого шага. Только палки вставлять в колёса буду.

– Я тебя засужу.

– Попробуй. Как будешь доказывать, что теоретически Аня может быть твоей? Я всегда могу сказать, что вообще тебя не помню. И мы и вместе-то никогда не были.

– Это ложь! Ты прекрасно это знаешь!!! – он уже вышел из себя, и на наш столик начинают коситься посетители. Спасибо тебе, Адам, за очередной цирк. – И не надо заливать про другого мужика! У тебя до меня не было-то никого! – переходит на несдержанный шепот.

– А ты докажи.

– Я хочу с ней познакомиться! – сбивает новой волной негатива. – Это такая проблема?

– Да. В качестве кого я тебя представляю? Деда Мороза?!

– Да мне плевать! Я хочу с ней хотя бы поговорить!

– Я уже сказала. Это будет тебе дорого стоить. Без официальной бумажки, что ты имеешь на это право, можешь даже не приближаться к Ане.

– Ты совсем, что ли?!

– Разговор вышел очень содержательным. Надеюсь, больше не увидимся, – поднимаюсь на ноги.

Меня всю трясёт. От него. От его злости. От его угроз. От собственных эмоций. Какого лешего он появился?! Пусть молча скроется с горизонта, и все.

– Юля. Ты зря это делаешь, – тоже подскакивает с места и пилит гневным взглядом. – Я предупреждаю.

– Это я предупреждаю. Ты для неё чужой дядя. Хочешь с ней общаться – пожалуйста. Но только по решению суда.

Глава 8

АДАМ

– Ты... ты даже не представляешь, какая она! – через стол машу ладонью перед лицом брата. У меня в голове сейчас слов больше, чем я способен произнести. И я говорю сбивчиво. – Она такая красивая! Такая взрослая уже! У неё волосы, как у Юльки. Вот точно такого же цвета! – на эмоциях продолжаю дальше трясти ладонью.

– Да лаааадно. Серьезно?! – испытываю едва преодолимое желание двинуть ему в морду, пока он ржет надо мной.

– Не! Я ему реально рассказываю, а он ржет!

Брат тянется вилкой к нарезке из копченого мяса. После – цепляет оливку и отправляет в рот. Пережёвывая, он тщательно пытается скрыть следы веселья на лице. Но я-то его лицо знаю, как своё. Каждый день такое же в отражении вижу.

– Так, – подначивает. – И?

– Она ещё смотрит так хитро на всех, будто что-то задумала. А ещё у неё такой носик маленький, она все время его смешно задирает и хмыкает. И брови ещё так сводит, хмурится, – пальцем рисую невидимую линию, соединяющую мои брови, – как будто возмущается! Она такая.... Я просто в шоке! Захотелось отвести ее в детский магазин и купить ей все, что она захочет. За каждый день ее жизни, что я о ней не знал.

– Ну теперь знаешь и что делать будешь?

– Да я ещё сам не разобрался, – складываю руки перед собой. – Я вообще с детьми так-то не лажу. И не задумывался особо.

– Вообще-то ты только недавно развёлся. Как это не задумывался? Брак сам по себе наличие детей предполагает.

– Не. Ну мы с Софкой обсуждали, конечно. В далёком будущем. А сначала решили для себя пожить. Родить-то всегда успели бы. А тут... она такая уже большая! Я красивее ребёнка в жизни не видел!

– А тебя не смущает, что она уже взрослая? И принять тебя, возможно, не согласится?

– Ты о чем сейчас? – прищуриваюсь воинственно.

– Ну как же, – Аскар отправляет в рот ещё одну оливку. Я не понял. Он их в жизни не ел... – Ребенок подросток. Привык, что тебя не существует. Свое мнение, все дела. А тут ты нарисовался. Кстати. А как с Юлей дела обстоят? Она, кажется, настроена к тебе была негативно.

Тяжело вздыхаю.

– Негативно? Это ещё слабо сказано.

– А чего это она на тебя всех собак готова спустить? Обидел девочку?

– Давай не будем, – настроение падает. Да я вроде как действительно же ничего не обещал, в любви не клялся. Юля могла бы и сказать, что забеременела. Или хотя бы когда родила уже.

Вновь вздыхаю.

– Какие мысли? – Аскар откидывается на спинку кресла и насмешливо на меня смотрит. Конечно, ему хорошо говорить. У него с Олей все зашибись. Вон скоро долгожданный первенец родится. А мой первенец уже подрос.

Я реально о детях никогда не задумывался, всегда принимал меры. Даже с женой мы были аккуратны в этом вопросе, потому как не хотели торопиться. Как так могло получиться. Я уж не вспомню, конечно...

В общем... полнейший ступор.

Аню как увидел, взгляд не мог оторвать. Заворожила меня. Как маленькая колдунья. Глаза у неё волшебные. Доверчивые, но хитрые. Юлька в своё время тоже меня обворожила. Потом развеялось как-то... да и она была молода для меня. Категорична моментами. Слишком много ждала, слишком сильно привязалась.

Я хотел ей сказать, что не планировал серьёзных отношений, хоть она и красивая, хорошая девчонка была, но не по мне оказалась. Как-то все пошло не туда. Мне хотелось легких встреч, а она постоянно завязана была на родителях. Туда нельзя, сюда не шагни. Здесь папа не отпустит. Как-то намекнула: мол, может, ты отпросишь, скажешь, что я с тобой.... Не-не-не, не для меня это было. Мне ещё папаш не хватало для полного счастья. Да в общем, как оказалось, не мое, интерес угас очень быстро.

Я как-то запулил в клуб с пацанами – хорошо тогда оторвались, редко я, на самом деле, по ним шарахаюсь, в отличие от жены бывшей, – там ко мне ещё такая блондиночка приклеилась, грех было не уделить ей время. Утром, когда я спросонья был, Юлька позвонила с наездом, я даже и не понял ничего сначала. Она сразу начала с претензий. Я разозлился, сказал, позже перезвоню и приеду пообщаться. Как-то меня такие наезды вообще не радовали. Короче, Юлька потом и сказала, что видела меня с той блонди, ну надеюсь, уж не в подсобке... и да, я, кажется, чтобы с пацанами забуриться, Юльке что-то про протекающее масло наплёл... ну а что? Это проще, чем ей объяснять, почему я хочу пойти без неё. Тем более что ее опять отпрашивать надо...

Так и разошлись. Она в слезах. Я с облегчением.

Я ж не знал, что...

– Ну в общем, дочь у тебя есть, по словам девушки. А дальше-то что?

– Сам не знаю.

– Ну ты ж не хотел детей...

– Да я и сейчас-то не хочу так-то. Но... ты ж просто Аню не видел. Она такая... блин! Ей хочется дать все, что она желает! Не могу я просто глаза закрыть. А Юлька меня удавить готова!

– Может, есть за что?

– Может, и есть. Ты мне скажи лучше, – переключаю тему: сейчас мне нечего ответить моему очень проницательному братцу. – Ты чего все мои оливки сожрал?! Ты их не ел никогда! Последняя, блин, банка!

– А. Оля приучила. Она салат с ними всегда делает. Я и вошёл в раж.

– Ну спасибо Оле, че, – отодвигаю от себя пустое блюдо. А мыслями возвращаюсь ко вчерашней встрече.

Внимательно смотрю за удаляющейся парой: моложавая женщина средних лет придерживает за руку девочку. Иду за ними, не отрывая взгляда от девчушки. Гляжу ей вслед, как заворожённый. Это. Моя. Дочь. И ей уже четыре года...

До сих пор помню собственную реакцию, когда Аскар скинул фото Юли и уточнил:

«Твоя знакомая?»

«Да. К чему вопрос?»

Неосознанно я пронёс стакан с колой мимо стола и под оглушающий звон бьющегося стекла два раза перечитал ответное СМС:

«Поздравляю. У тебя есть дочь».

Чуть телефон не выронил.

– Адам, ты что?! Все в порядке?

Сидящая за столом блондинка округлила глаза и потянулась вперёд.

– Да-да, Светусь, все ок. Я прошу прощения, промахнулся, – обратился к подоспевшему официанту. – Все возьму, извините ещё раз.

Спутнице сказал, что срочно надо позвонить, и как только отдалился от стола, уже набирал номер брата.

– Ты соображаешь, какую пургу несешь?!

– Надо пересечься.

– Я не один...

– Срочно. Не телефонный разговор, – настаивал брат. И сразу перешёл к делу. – Можешь ко мне подъехать. Могу я подскочить.

– К офису удобно будет?

– Тридцать минут. И буду на месте, – брат любит конкретику.

– Я тоже выезжаю, – бросаю напоследок. И понимаю: в моей жизни что-то только что неконтролируемо вышло из-под контроля...

Краткий пересказ последних событий его жизни прошёлся острым лезвием по адекватности моего восприятия происходящего. Соседка его беременной женщины сказала, что отец ее дочери – Аскар. Это финиш. Ещё и фотку раздобыл. Соседки в смысле. Вот только Аскар девушку с экрана знать не знает, а вот я...

– Да ну бред, ну!

– Мне плевать. Бред или нет. Поедешь со мной и покажешься ей на глаза. И скажешь, что эту девушку ты... кхм-кхм... знаешь близко. Ты. А не я. Понял?!

– Ты че орешь-то?!

– Не поедешь – в багажнике отвезу. После – можешь валить на все четыре стороны.

– А сколько девочке? – сумбурные мысли не давали покоя. Я все всматривался в изображение на экране...

– Тут тебе справочная, что ли? Посчитай, сколько лет назад ты с ее мамашей зажигал.

– Не помню уже. До Софки было, – произношу медленно, пытаюсь осознать... все...

Дочь...

– Что ты там насчёт школы мне говорил? – ржет.

– Чего?! – вскидывая голову.

– Ну что я про Олину беременность родителям, видите ли, не сказал. Что ты там ляпнул? Ребёнок в школу пойдёт – познакомлю? Ну-ну. Готовься речь толкать, шутник несчастный.

– Да иди ты.

Я не верю. Дочь...

Сейчас я смотрю ей в спину, улавливая каждое движение, каждый поворот головы. Дочь...

Юля отказывается идти на контакт. Думает, я просто так сделаю вид, что ничего не знаю? И продолжит врать дочери, что папа космонавт? Я уверен, примерно так это и есть. И я решил избрать другую тактику. Хочет судиться? Пффф. Не проблема. Но надо понимать, к чему это может привести.

Почему я не могу с ней просто поговорить? О чем угодно. Как так шикарно вышло, что Юля оставила ребёнка на маму, а сама отлучилась... в общем, это чистое везение.

Пойду догоню их. Вон они, к лестнице направляются.

Глава 9

ЮЛЯ

Так, мама сказала, они на втором этаже, возле аквариума с рыбками. Поворот не тот, что ли... никак не могу вспомнить, где эти рыбки.

Должны быть возле павильона с Лего... может, следующий поворот... о! Точно! Вот они! Набираю в легкие воздух позвать дочь, как запинаясь и чуть не падаю, не могу выдохнуть, будто крепкой хваткой кто-то впился мне в горло.

Перед аквариумом на корточках сидит Адам. И как ни в чем не бывало что-то рассказывает Аняте, указывая пальцем вглубь огромного аквариума.

Что это вообще такое?!?!

Какого черта он здесь забыл?! Что происходит?! Я же... я же... я же сказала ему! Русским языком!!! Чтобы не смел приближаться к ней!

– Ой, мама!!! – дочь, увидев меня, бросается вперёд со всех ног, а я успеваю раскинуть руки в разные стороны для обнимашек.

– Мама, представляешь! А мы с бабушкой познакомились с Адамом! Он нам рассказал про улиток и рыбок, которые в аквариуме живут! Пойдём! Он и тебе расскажет! Он про них все-все знает! – настойчиво тащит меня за руку и воодушевленно смотрит на аквариум. Потрясающе! Адам только появился на горизонте, а уже герой – столько всего про рыбок знает! И когда успел? Ихтиолог несчастный!

– Добрый день, – новоиспечённый специалист по рыбам настороженно смотрит на меня, когда я приближаюсь. – Ваша дочь так искренне заинтересовалась рыбками, – кивает на аквариум, – что я позволил себе кое-что рассказать ей о подводных жителях. Надеюсь, вы не против?

Что ж. Гуглом он научился пользоваться. Похвально. Сейчас расстреляю его взглядом, и не только его!

Ну ладно Аня, но мама-то...

– Да ладно, Анята, – озвучивает мама мои мысли, – я и сама увлеклась! – кокетливо поправляет волосы и, тепло улыбаясь, смотрит на этого... этого... – Адам столько всего интересного рассказал, никогда не думала, что аквариум – такая сложная экосистема!

Божечки! А он и слово «экосистема» теперь знает! Я сейчас начну аплодировать! Вот же негодяй!

– И давно это Адам аквариумистикой занимается? – не сдерживаю иронии в голосе.

– Да, а давно вы аквариумистикой занимаетесь? – мгновенно подключается мама.

Анечка, наострив ушки, с интересом смотрит на этого... ну слов нет, а!

– Сейчас уже нет, но я несколько лет был в этом бизнесе.

– Как неожиданно. Аквариумы чистили? – да мне плевать, насколько грубо звучит вопрос, я сейчас кое-кого утоплю в этом самом аквариуме!

Адам явно читает мои мысли и тут же лениво демонстрирует голливудскую улыбку. Веселится ещё! Нормально?!

– Ну не без этого. Всякое бывало... – улыбаясь, пожимает плечами. – Кстати говоря, – вновь присаживается на корточки и заглядывает Анютке в глаза. А мне хочется заорать на весь центр, что он не должен даже смотреть на нее!!! Не то что разговаривать! – Чистка аквариума – дело очень интересное и непростое.

– Да кто бы сомневался, – тихонько бормоча под нос, язвлю в очередной раз.

Мама стоит рядом и от моей наглости даже успевает метнуть в мою сторону осуждающий взгляд.

– Если мама не против, я бы тебе с радостью рассказал о всяких хитростях, – ещё один выжидательно смотрит на меня.

– Мама против с незнакомцами разговаривать. Нам пора, извините, – ставлю точку в этом спектакле. Как он узнал, где нас искать?! – Пойдём, Анют.

– Я проводить могу, – вскакивает на ноги и рвётся в бой. Теперь его лицо серьезнее некуда: он ждёт ответа.

– Спасибо. На сегодня хватит об аквариумах, – ну как он все это искусно провернул?! Я была о нем худшего мнения. Молодец. Прорвался и без бумажки.

– А на обед можно пригласить вас? С Аней. Здесь шикарное кафе...

– Нет. Мы пойдем лучше.

– Mam. Почему? – дочь крепко сжимает мою ладонь и легонько тянет на себя, перехватывая мое внимание.

– Потому что, – да, это самый дурацкий аргумент, но сейчас в голову больше ничего не приходит.

– А я кушать хочу!

– Дома покушаем, – непреклонно отвечаю Ане, а получается, что цежу слова в лицо Адаму.

– Нет, ну действительно, – мама сегодня бьет все рекорды, – можно же и в кафе пообедать. Погулять. Я пойду, а вы...

– Mam... Ну может... схоооодим...

– Анют. Давай выйдем и обсудим с тобой, ладно?

– Давай, – тяжело вздыхает и понуро опускает голову, отпуская мою руку.

Спасибо Адаму! Врезать ему хочется! Хочется обвинить его во всех несчастьях! Но это, конечно, глупо. Это просто эмоции.

– Если сейчас некогда. Я могу вечером позвонить, – слышу рядом бодрый мужской голос.

Мы втроем – я, мама и Аня – впиваемся глазами в лицо Адама. Я предупреждающе. Аня радостно. Мама заинтересованно.

– Ни в коем случае. Я не оставляю номер первому встречному.

– А если я сам найду?

Я его сейчас совершенно грубо и отвратительно пошлю!

– Всего доброго. Рыбкам привет.

Беру маму под локоть, Анюту вновь крепко придерживаю за руку.

И, не оборачиваясь, тяну их подальше от Адама.

– Юль, тебя не узнать. Зачем же грубить? По-моему, вы с Аней ему понравились, да и он мне показался очень порядочным мужчиной...

Ага, такой порядочный, что аж тошнит...

– Зачем было вмешиваться? – успеваю тихонько пожурить мать. – Вообще-то, у меня есть Лёша. Какой обед, мам?

– Ну Лёша... что твой Лёша? Встречи по расписанию? Вы как две параллельные вселенные. Все пересечься не можете.

Мама подливает масла в огонь, и у меня внутри начинает подкипать...

– Он очень ответственный и серьезный. И да, у него все по расписанию. Это нормальный подход, когда важна каждая минута. А ты решила поучить меня, как правильно жить? – уточняю шепотом.

– Юляш. Ты очень устаёшь в последнее время. Вон какая вспыльчивая стала. Раздражаешься по любому поводу. Мужчина должен жизнь женщины счастливее делать. А ты только и делаешь, что под своего Алексея подстраиваешься. Ну это ведь не дело, Юляш.

– Можно при ребенке о Леше говорить только хорошее?

– Я же как лучше хочу, Юль. Ну пригласили вас в кафе. Что криминального? Ну сходи. Мир на Лёше не заканчивается. Так и будете ещё десять лет по субботам видеться. И неизвестно, что у него на уме. А женщине другое нужно. Анечке нужен достойный пример перед глазами. Она должна видеть, что мама счастлива. А не готова коньки каждый раз отбросить.

На моей памяти это первый раз, когда мама позволила себе так грубо влезть своими советами в мою личную жизнь. Она меня ни разу не осудила ни за что. Никогда. И я ей особенно благодарна. Но сейчас она как будто выступает против меня. Адам ей, видите ли, понравился! А он всем нравится от мала до велика. И в этом его самая большая проблема!

– Давай не будем спорить? Аня слышит. Каждый останется при своём, – ужасная идея спорить при ребенке. Но я все равно уточняю шепотом. – И в следующий раз не учи ее болтать с чужими людьми.

Мама тяжело вздыхает. К выходу мы идём в молчании. Здесь наши пути расходятся. Напоследок она бросает фразу, обиднее которой просто не существует.

– А Анечке он понравился. Если ты вдруг не заметила.

Глава 10

Я не заметила? Как же, не заметила! Конечно заметила, как Аня меня тащила к аквариуму, а потом ещё и в кафе.

Дочь вышагивает вперёд с отвисшей губой. Прекрасно.

– Анют, если ты очень хочешь в кафе, мы могли бы обсудить это. Без посторонних, – протягиваю воображаемую руку к примирению. – Обижаться – это последнее дело. А виснуть на мне в торговом центре – это как минимум некрасиво и невоспитанно.

Последние слова чаще всего действуют безотказно.

Тяжело вздыхает и сжимает мои пальцы чуть сильнее.

– Кстати, дома у нас творожный торт.

– И мы его после супа будем кушать?

– Да. Но ты же в кафе хочешь?

– Нет, лучше домой. А ты вечером с Лёшей опять уезжаешь?

– Анют, Лёша очень хороший человек, он мой очень близкий друг, – не выдерживаю, останавливаюсь и сажусь на корточки, чтобы заглянуть дочке в лицо. – И он к тебе относится замечательно. Но сегодня мы с тобой будем только вдвоем, – сердце сжимается оттого, как радостно заблестели глаза Анюты, а губы расплылись в улыбке. – И есть предложение на следующей неделе всем вместе поехать парк покормить птичек. Это будет волшебный день. Тебе понравится.

– Угу, – коротко кивает, оставляя без комментариев последнюю фразу. – Значит, ты сегодня со мной поиграешь?

Столько надежды и радости в ее голосе, что меня вновь укрывает чувство, что я что-то делаю не так...

Невольно вспоминаю несколько лет напряженной удаленной работы, когда нужно было успевать и ребёнком заняться, и весь объём заданий выполнить к определённому времени; ночи без сна и болезни Анюты, походы по врачам, момент, когда Аня пошла в сад, а я все же вышла в офис штатным сотрудником. Мне так тяжело все это досталось... я понимаю, что и правда уделяю дочери недостаточно внимания, но я стараюсь это делать. Действительно очень стараюсь! Погулять, поиграть, вечером поваляться и пообниматься перед сном, рассказать о том, как прошёл день. Что произошло хорошего и что плохого. Наверное, Лёша прав. Мне нужно взять несколько дней отдыха, чтобы отдышаться и побыть с Анюткой. Так, чтобы мое внимание целиком принадлежало ей. Без «срочных» звонков от начальства в половину девятого

вечера, на которые нельзя не ответить...

– Да. Давай сегодня устроим волшебный вечер на двоих? Только для девочек?

– А давай лучше короны оденем? И будем принцессами!

– Отличная идея! Только не оденем, а НАденем. На себя.

– Наденем! – тут же исправляется дочь.

– Тогда нужно подготовить атрибуты. Скорее домой, готовиться к вечеру.

– Да!

Ну вот. Так-то лучше.

Пока мы с Анюткой обедаем и параллельно считаем количество зубцов на вилке и салфеток в салфетнице, я благополучно пропускаю звонок от Адама. Буря в душе немного улеглась. И я даже раздобрела и скинула ему короткое СМС:

– Занята сейчас, перезвоню ближе к вечеру.

Корону мы не нашли: такое чувство, что Аня оставила ее в саду в шкафчике, но точно не могу вспомнить. И я предложила взять ободок и немного его переделать, превратив в королевский аксессуар. А сама вместо короны напялила на голову солнцезащитные очки. Вот так весело и с пользой мы скоротали время. Потом Аня сорвалась с места, побежала в свою комнату. Распахнула шкаф и вытащила нарядное пышное голубое платье, в котором она ходит на праздники.

– Мам! Помоги застегнуть.

– Пожалуйста...

– Пожалуйста, мам!

– Давай, осторожно...

Аня придирчиво осматривает себя в зеркале. И переводит возмущённый взгляд на меня.

– Мам, ну ты чего? Иди тоже переодевайся!

Пришлось и мне облачиться в «королевский» наряд, куда деваться? Я ж принцесса так-то!

– Пойдёт? – довольно кружусь под придирчивым взглядом дочери.

– Ммм, – задумчиво тянет, – ну да. Нормально.

– Ну спасибо и на этом, – посмеиваюсь.

– Мам, – возмущённо бросает в спину, – волосы распусти! Ты ж принцесса!

– Ладно, – стягиваю с волос резинку. – Убери, пожалуйста, на место.

Не успевает Аня ответить, как раздаётся домофонный звонок.

– Пойдём посмотрим, кто это к нам пожаловал, – предлагаю, и мы наперегонки с Анюткой бежим к двери.

– Кто там? – четко проговариваю в трубку.

– Это Адам.

Я чувствую, как настроение начинает портиться. Явился без приглашения, как и обещал.

Не понимая, что ему сказать... или просто повесить трубку... нажимаю на кнопку разблокировки подъездной двери и поворачиваю замок. Если его сейчас не впустить... что будет дальше? Что он еще придумает?

– Кто пришёл, мам? – доченька настороженно уточняет.

– Специалист по рыбкам.

Он самонадеянно решил сделать по-своему. Пусть убедится, что у нас все отлично и без него. Никто не скучает.

– Ктооооо? – громко тянет Аня.

– Привет, – раздаётся до боли знакомый весёлый голос. – Оооо, я попал на бал? – восхищённым взглядом осматривает сначала Аню, потом меня. Ну вот надо было мне именно это платье натянуть? Незаметно одергиваю вниз достаточно короткий подол.

Дочь удивленно смотрит на Адама.

– Я Адам. Ты меня не забыла?

– Нет, – и мечет в меня подозрительный взгляд в стиле «а он что здесь делает?», но Адам не ждёт вопросов, заявляет с порога:

– А меня мама пригласила.

Я чуть не захлебнулась от возмущения! Ну это уже вообщеееее....

– А ты же говорила, мы вдвоём будем... – дочь складывает ручки на груди и смотрит на меня обвиняюще. А я... я... я его сейчас загрызу! Зачем он так нагло врет?! Ещё и на меня все спирает! Я же ей правда обещала...

– Мне кажется, Адам что-то перепутал. Может, подъезд, – убийственно смотрю на мужчину. – Я не приглашала.

– Да ты просто уже забыла, – скалится. Все свои тридцать два демонстрирует. Треснуть бы ему по физиономии.

– Мам. Ну так нечестно. Ты же обещала, ну мам! – у Аня глаза на мокром месте, она сдерживается, хоть и поджала губы. Вижу, что ей обидно. Я знаю все степени ее слез. От «я буду плакать, пока меня не пожалеешь», что, слава богу, бывает крайне редко, до горькой тихой искренней детской обиды – такой, как

сейчас, – что тоже бывает нечасто. – Пойду корону отнесу.

С поникшими плечами малышка разворачивается. И убегает в комнату.

– Я Аняте обещала сегодня поиграть только вдвоём. Мы играем в принцесс. Так нельзя, Адам. Ты перечеркнул своими словами мое обещание. Теперь она не будет мне доверять. У неё и так сейчас сложный период!

Его взгляд наполняется сожалением и виной. Он печально смотрит дочери вслед.

– Прости, я ж не знал.

– Давай ты уйдёшь. Она там наверное плачет, она последнее время очень ранимая. И по твоим словам получается, что я ее обманула.

А я чувствую виноватой себя. Точнее, не так. Кто ж кроме меня виноват, что Адам здесь, что Аня вот так остро реагирует? Я не понимаю, что делаю не так. Мы всегда с ней были дружны. Потом она пошла в сад. Я вышла в офис после нескольких лет работы на удаленке. Чуть позже появился Лёша. Потом он плотнее вошёл в мою жизнь. И началось... как-то я оказалась не готова к таким крутым поворотам.

– Юль. Я ж не знал, правда. Ты же мне вообще ничего не захотела рассказывать. Ну ... ну... Юль... – на его лицо уже набежала тень.

– Уходи.

Я пытаюсь подобрать правильные слова, когда войду в комнату дочери.

– Хорошо. Я прямо сейчас уйду, – поднимает ладони вверх, показывая, что сдаётся. – Но можно я хотя бы извинюсь и скажу, что я все выдумал? И ты ни при чем.

– Да я уж сама как-нибудь. Спасибо тебе за ещё один испорченный день.

– Всего лишь минута. И я сразу уйду.

– В комнате будем вместе присутствовать. Через минуту тебя здесь быть не должно.

– Конечно, Юль. Конечно.

– Анют. Адам хочет сказать тебе до свидания. Он сейчас уходит.

Аня быстро стирает влагу со щек. И поднимает полные обиды глаза на отца.

Если он начнёт говорить что-то не то, его минута закончится не успев начаться.

– Анют. Ты извини. Я все выдумал. Мама меня не приглашала. Я так сказал, потому что... – закусывает нижнюю губу совсем как Аня, когда волнуется или расстроена. И садится возле неё на корточки. – Потому что я очень хотел попасть к вам на бал. И отдать тебе это.

Протягивает руку, и на его раскрытой ладони я вижу фигурку маленькой оранжево-белой рыбки. Она очень яркая и красивая.

– Помнишь, она тебе больше всех понравилась в том аквариуме? Как настоящая. Я ее еле нашёл. Специально для тебя. Хотел тебе ее подарить. Я не хотел тебя обидеть. И маму тоже. Она меня не звала. Я сейчас уйду, и вы без меня продолжите. Ладно? Может быть, в другой раз позовёте.

Кхе-кхе. Не удерживаюсь от сухого покашливания. Намекая, что время уходит. Но... Вообще-то я потрясена его речью. Я бы даже сказала – обезоружена.

– А зачем тебе к нам на бал? – детские слёзы высохли, и Анюта с осторожностью взирает на Адама. Их лица находятся на одном уровне. – Только рыбку отдать?

– Я, конечно, хотел с вами немного побыть. Но мне ж нельзя на бал. У меня пригласительного нет. И проник я нечестно. Меня надо поругать.

– Но ты больше так не будешь? – Анюта качает головой.

– Не буду.

Аня улыбается, а потом... а потом... о чудо! Она не торопясь осторожно касается пальчиками маленькой рыбки. И слегка ее поглаживает. Ладони Адама она не касается специально.

– Красивая, – заврожённо любуется маленькой фигуркой.

– Мне будет приятно, если ты ее себе возьмёшь.

– Мам, а мы такую сможем купить? – тянет с надеждой и бросает на меня заинтересованный взгляд. Имеет в виду настоящую...

Ох, Адам. Ну что сказать. Мне ж только аквариума не хватает для полного счастья...

– Нет, Анют. Это рыба-клоун. Она живет только в солёной морской воде, – спасибо, Адам. Вот этим он меня просто спас. – За такими аквариумами очень сложно ухаживать. Клоуны живут среди ядовитых актиний.

– Ну ладно. Тогда она будет жить здесь!

Малышка забирает игрушку и кладёт на полочку шкафа.

– Вот! – оборачивается и счастливо блестит глазками. – Жалко, у меня нет... актиний!

– Актиний, – с улыбкой поправляет Адам. И тепло смотрит на дочь. – Ну я пошёл?

– Вообще-то в королевском дворце есть швейцар, – ни с того ни с сего замечает правоучительным тоном. Слова-то такие откуда знает?

– Адам собрался уходить, Анют, – вмешиваюсь в разговор.

– Хорошо. Но он мог бы быть швейцаром.

Мужчина с надеждой смотрит на меня, но я непреклонно мотаю головой.

– Я вообще-то очень способный швейцар. Всем швейцарам... швейцар...

– Вот! Смотри, какая у меня корона! Это я сама сделала!

Они так легко общаются. Вспоминаю, как Лёша тяжело и серьезно общался с Аней. Всегда:

– Ну привет, Аня. Как дела? Что делали?

Я пыталась дать совет, но Лёша такой, какой есть: веселые беспечные разговоры у него не выходят так виртуозно, как у Адама...

Глава 11

АДАМ

Встреча с юристом по семейным делам закончилась два часа назад.

Сажу в кабинете, словно в трансе, и тупо втыкаю в стену. На улице уже начало темнеть.

– Адам Булатович, – сбоку раздается осторожный голос секретаря, – вы... вы просили вас... если дословно... «выпнуть из офиса, чтобы я до ночи в бумагах не просидел».

– Да-да, Маш, спасибо. Ты на сегодня свободна, хорошего вечера.

Не слышу ее ответа. Потому что я на самом деле не здесь. Я все ещё в гостях у Юли и Анюты. Все ещё обалдевший от тяжёлого вздоха Юли и её примирительной спокойной фразы:

– Анют, хочешь печенье Адаму предложим? А то швейцарам нелегко приходится... – от ее взгляда реально захотелось вжать голову в плечи. Но я от такого щедрого предложения, конечно, не отказался.

– Да! Тогда я помогу тебе налить чай! А ты, – вздёрнув носик и, как это ни странно, каким-то чудом посмотрев на меня свысока, слишком нравоучительно и строго заметила, – не забудь вымыть руки!

Да я готов был их даже продезинфицировать! Я и предположить не мог, что меня мирно и по-доброму пригласят.

Я смотрел на эту прекрасную девочку, которая мне, оказывается, родная... и я... честное слово, не знаю, как такое возможно, но у неё мои повадки. Она прикусывает нижнюю губу. Чуть поворачивает голову набок и, хитро прищурившись, смотрит на собеседника. Смешно морщит нос. Я реально видел! И я это не придумал!

Я просто сидел за столом и наблюдал за ней. Как зачарованный. Периодически выполняя детские поручения: чай попить, печенье попробовать, что-то ещё. Юля со мной вообще почти не разговаривала, только с дочкой. Нет, я не думаю, что со зла. Просто она так же, как и я... да в шоке, короче, все. Че уж там говорить...

Спустя полчаса настал момент, когда мы с Юлей остались в кухне одни. Анюта убежала найти какие-то свои рисунки.

Я как будто и не уходил никуда, все ещё там сижу, с ними...

– Ты меня удивил очень, – поднимаю глаза на Юлю. Чувствую напряжение. Давненько я так не волновался... дочь. Реально моя дочь! А я ещё брата подкалывал, ага... – Спасибо, что ты сказал... то, что сказал.

– Правду. Юль, мы с тобой не с того начали. Извини меня. Известие как головой об стенку. Да я до сих пор в проросте! – Юля улыбается, она всегда

снисходительно относилась к подобным словечкам. – Слушай, она славная.

– Да. Она замечательная, – опускает взгляд на кружку и сжимает ее ладонями. Нервничает.

– Юль, я не хочу ничего ломать в твоей жизни. И в ее. Я просто ещё не понимаю, что делать. И как. Я бы хотел для начала пообщаться. Ну там... куда-нибудь сходить, съездить. Я не хочу тебя заставлять. Ну Юль, она ж дочь моя. Ты ж не станешь мне запрещать, да?

– Вы с ней хорошо поладили. И так быстро, – последний вопрос она пропускает мимо ушей.

– А чего с ней не поладить? Она внимательно слушает, с интересом, нормально отвечает.

Юля почему-то улыбается... кривовато, будто мои слова вызывают в ней чувство горечи. И она все ещё на меня не смотрит.

– А чего не сказала-то, Юль? Испугалась?

Она сейчас выглядит беззащитной. Хрупкой, маленькой. Слова ей даются тяжело. Я вижу, она бы предпочла не видеть меня никогда и уж точно не впускать в жизнь дочери.

– Я хотела, – пожимает плечами, но на меня смотреть отказывается все равно. – Я звонила тебе. Да какая разница уже...

Звонила?

– Нет, расскажи. Я хочу понимать.

– Я тебе звонила, когда узнала о беременности. Телефон был вне доступа. Я подумала, ты меня в чёрный список кинул.

– Ну что за глупость. Конечно, нет.

– Да я вижу уже. Через несколько дней приехала к тебе. Тебя не было. Потом ещё раз приехала. У меня тогда в семье проблемы были, и я испугалась. Честно, я хотела помощи попросить у тебя. В общем, рассказать не удалось. И я попросила Максима сообщить тебе, помнишь, твой друг?

– Рыжий. Ага. Мы с ним давно не общаемся.

– Ну вот, он сказал, что ты переехал за границу. Номер сменил. И я просто перестала стучаться...

– Ничего я не менял. У меня брат тогда в Брюссель переехал. Я с ним – за кордоном появляться. Месяца полтора меня не было, да. А номер не менял. Телефон потерял просто. Может, вытащили. Не знаю. Ну короче, с местной симкой гонял. Контакта нового ни у кого почти не было.

– Понятно, – смотрит на меня, а я вообще не могу разобраться, о чем она думает.

– Ну капееееец... – провожу рукой по волосам.

– А если б ты узнал. Это что-то бы изменило?

Я честно как баран на неё уставился. Не понимаю, что сейчас ответить. Не знаю, как тогда поступил бы. Но говорю только то, в чем абсолютно уверен:

– Юль. Мы могли хотя бы обсудить вместе. И решать вместе. Я бы помогал деньгами, как минимум. Да и... блин... ну что значит изменило бы? Я не могу наверняка сказать, что было бы, если бы. Думаю, что я бы все равно присутствовал. Тебе было бы проще. Я бы с ней проводил время. Всем было бы лучше. Разве этого мало?

– Нет. Это огромная разница.

Хочу попросить рассказать об Ане что-нибудь, но не успеваю. Телефон вибрирует в кармане. Я пропускаю вызов намеренно. Сегодня не планировал вечерний променад.

– Адам, ты извини. Ей купаться скоро. Да и ко сну готовиться...

– Понял тебя. Пойду, конечно.

Спустя две минуты уже в коридоре раздаётся громкое:

– Анют. Адам уходит. Беги скорее сказать до свидания!

После короткого прощания мы с Юлей вновь остались вдвоем. Произношу ровное «До встречи», шагаю в подъезд. И только сейчас понимаю, что девушка последовала за мной, прикрыв за спиной дверь.

– Адам. Я бы не хотела, чтобы вы виделись, – крушит во мне зачатки спокойствия.

– Почему? – круто разворачиваюсь и смело встречаю ее взгляд.

– У нас с Аней сейчас сложный период. Она с характером. Я не всегда могу найти к ней нужный подход. А с тобой она легко пошла на контакт. И если вовремя не остановиться, то она будет ждать новых встреч. И лучше, чтобы их не было.

– Тебе лучше? А почему? – пытаюсь сдерживаться и не вспылить.

– Потому что ты очень ветреный человек. Ты просто сейчас растерян и сам не понимаешь, как реагировать на ситуацию и чего хочешь. Я же вижу. Ты... Адам... ты учитываешь только свои интересы и желания. Она для тебя как диковинный зверёк. Интересно за ним понаблюдать. Как игрушка. Но ее нельзя, наигравшись, поставить на полку. Она будет ждать. Она привыкнет. А потом, когда тебе надоест, она будет думать, что не понравилась тебе. Что с ней что-то не так. И винить в этом себя. Я ее очень люблю. Она самое дорогое, что у меня есть. И я хочу ее оградить от тебя и от твоих «мне надоело». От твоего равнодушия в будущем. Ей лучше будет без этого, поверь. Хоть один раз поступи так, как будет лучше для другого. Не приезжай больше.

ЮЛЯ

– У тебя телефон звонит, – Лёша касается виска твёрдыми прохладными губами, а я, мимолётно улыбнувшись, встаю с дивана и иду к подоконнику.

Адам. Трепетная дрожь опасно проходится внутри, как только я касаюсь корпуса телефона.

Зачем?

Чего он ещё хочет?

Невзначай кошусь на Лёшу. Он снова в мобильном. Каждый раз, когда есть возможность, Лёша погружается в него. Хоть на полминуты, но без телефона он как без рук.

– Юля, я выйду поговорить, – и знаком указывает на дверь.

Коротко киваю в ответ, а внутри внезапно тяжелеет.

Радует только то, что разговор с Адамом останется без свидетелей, и я смело принимаю вызов.

– Юль, привет. Я ненадолго. Что делаете?

Хм. Прекрасный вопрос. Я в гостях у Леши. Часа через полтора собираюсь домой. Мама Анюту уложила полчаса назад – в девять, – о чем сразу мне отписалась. У нас уговор, я так меньше волнуюсь. Я вообще всегда за дочь волнуюсь, ничего не могу с собой поделать. Даже когда это лишнее. Даже когда я это осознаю.

– Анята спит.

– Ой, прости. Я чёт не подумал совсем. Ну да, уже время вечернее. Не привык к детскому расписанию.

– Не расстраивайся. Какие твои годы.

– Юль. Давайте погуляем завтра? Я, ты и Аня.

– Я ведь попросила тебя подумать над моими словами. Ей без тебя лучше будет.

– Я подумал, Юль. Я... все услышал. И переваривал долго. Не смогу я о ней просто так забыть уже, понимаешь?

– Вот именно. Так может, ты позволишь ей легко позабыть тебя? Не привыкая?

– Хорошо. Давай вдвоём ещё раз встретимся и обсудим... все это?

Я понимаю, что он может добиться своего. И обязать меня терпеть его в своей жизни. А Ане? Это Ане надо? Что для неё будет лучше? Человек, который будет в ее жизни каждый день? Заботиться, помогать ей принимать решения и взрослеть. Будет за неё ответственным. Или вот такой инфантильный участник, в будущем появляющийся реже, чем папа выходного дня... Ответ очевиден. Если бы я хоть на секунду смогла поверить в то, что Адам сделает жизнь Ани красочнее, а не принесет разочарования и комплексы... Я бы всерьез задумалась. Но я не верю.

– Послушай. Давай ты снова все обдумаешь, и в этот раз учтешь не только свои желания.

– Могу тебе сказать то же самое. Давай ты не только о своих желаниях подумаешь? Я знаю, что мы разошлись не очень, и я тебе как кость в горле. Прости меня за это, пожалуйста. Но твои обиды и Анины интересы – это разные вещи. Ей со мной нравится. Если я буду присутствовать, это для неё будет лучше.

– А когда тебе надоест? Когда в твоей жизни появится желанный ребёнок, которому нужно будет менять подгузники, мерить температуру, гулять по два раза в день, уделять максимум свободного времени, посвящать свои выходные? Аня в каком месте твоего расписания окажется? Как ты сможешь присутствовать в ее жизни? Никак. Потому что не захочешь. Адам. Прошу, не портить нам жизнь.

– Я настаиваю.

– Ты просто не понимаешь, о чем просишь. Адам, люди – это не твои игрушки. Извини, мне пора. Пока.

Дрожащие пальцы отключают вызов и накрывают сжатые губы. Ну разве я не права? Он же исчезнет максимум через три месяца! А то и раньше! Он же ничего никому не обещает, правда? Я даже представить это не могу... Лёшу дочь вообще не воспринимает. А Адам сразу попал на верхушку пьедестала. Аня спит с рыбкой, которую он подарил. Когда засыпает, кладёт под подушку. Я не сразу заметила. А когда заметила... я просто сидела и плакала на полу. Долго.

Какая я дура. Зачем я вообще что-то кому-то рассказывала? Объяснила бы: перепутала. Все! И переехала бы от них всех подальше. Но нет. Оля же попросила прояснить. Ненавижу себя за это!

Глава 13

«Юля, если ты не обрисуешь мое присутствие, как это удобно тебе, я сделаю это с выгодой для себя».

Кто бы сомневался.

Ещё одна фраза врезалась в подкорку:

«Мы оба знаем, что когда-нибудь тебе придётся допустить меня до дочери. Только тебе решать, насколько это будет безболезненно».

Тяжело вздыхаю, невидящим взглядом провожая серые картины за стеклом.

Я не хочу, чтобы они общались. Потому что знаю, как легко Айдаров выбрасывает людей из своей жизни. Опирается только на свои собственные ощущения. С одной стороны, может, это и правильно – окружать себя теми людьми, которые играют важную роль для нас. Но только игра чувствами ребёнка – это совершенно другое. И я вижу ситуацию именно такой.

Если начнётся противостояние, рано или поздно оно выльется в неприкрытое столкновение, и тогда остановить неминуемое будет уже невозможно. Адам в любом случае своего добьётся. И сейчас я стараюсь обыграть все это и подать в наиболее приглядном виде. Приглядном для Ани.

Лёша при недавней встрече уточнил, что я решила по поводу Аниного отца. И когда мы вообще собираемся разгребать наши сложности. Причём откровенно мне сказал, что меня не поддерживает и ребёнок должен общаться с отцом. Хочу я этого или нет. В итоге с Лешей мы в тот вечер немного повздорили. Впервые за последние пару месяцев. Домой я возвращалась с тяжёлым чувством. Мама, ожидаемо, вопросы задавать не стала, но по моему лицу без сомнений поняла, что что-то не так.

Сидим с дочей в такси. Едем на встречу с Адамом. Вернее, мы договорились встретиться в популярном выставочном комплексе, а мужчина «случайно» к нам присоединится. Я решила. Сейчас это самое правильное и нейтральное.

Из последних сил надеюсь, что Аня не захочет принимать его в нашу сформировавшуюся на сегодня компанию. Но как только мы вдыхаем влажный воздух, а Адам показывается на горизонте, я уже понимаю: меня ждёт жесткое разочарование.

– Девчонки, привет! Я даже не ожидал вас встретить, – лыбится ещё стоит. Гад. Прекрасно знает, что мне все эти встречи и его непоколебимое до поры до времени «Она дочь моя. И я имею право с ней общаться» аж до тошноты. Даже думать не хочу, что будет, когда он скажет: ну ты же не думала, что это серьезно и на всю жизнь? Я ж не обещал всегда приезжать.

Понимаю. Во мне говорит обида. Но разве она несправедлива?! Разве в будущем будет не так, как я предполагаю?! И сейчас я совсем не понимаю, что делать дальше. Я пытаюсь достучаться до Адама. Но не выходит.

Холодное приветствие с моей стороны совсем не имеет эффекта, и я стараюсь взять себя в руки. Очень стараюсь.

К моему счастью, Аня настороженно отнеслась к недавнему знакомому, заявив, что мы приехали «с мамой вместе гулять».

Но этот же и здесь выкрутился. Я, говорит, тоже один хотел прогуляться. Тем более что дальше мороженое продаётся...

Так, надо просто успокоиться. Ничего плохого не случится. Адаму скоро надоест упорствовать, а Аня к нему относится, как к третьему лишнему. Но это было до упоминания о мороженом. И теперь Анютка быстро и продуманно вошла в союзные ряды нашего аквариумного специалиста.

Каждый раз вижу Адама и теряюсь. Отчего-то до сих пор хочется ему поверить. Вопреки всему, что на душе лежит. Хочется думать, что он изменился, стал серьёзнее, взрослее, ответственнее. Хочется, чтобы он был таким, как раньше, но немножко другим. Парадокс.

Но разум отрезвляет, подсказывая, что ничего не изменилось. А ещё, что все происходящее должно быть на моих условиях.

– Предлагаю немного пройтись, причем без мороженого. А потом плотно пообедать.

– А почему без мороженого? – перебивает Аня.

– Потому что мы пойдём обедать в кафе. На десерт мороженое и возьмём.

– Ура! А Адам что – с нами? – дочь аккуратно уточняет.

– Вы что, меня бросите?! – мужчина округляет глаза наигранно и неожиданно. – Что, прямо здесь?! Я ж без вас потеряюсь.... Я уже почти заблудился, как вас увидел! Как я домой вернусь?

– Мам, – Аня тянет за руку, молчаливо просит, чтобы я присела к ней, и шепчет на ухо, – давай его пока что с собой возьмём? А то он же потеряется...

Да кто ж против?! Пусть теряется себе на здоровье!

Но вслух, конечно, произношу другое:

– Давай, уговорила. Только потом он домой уедет, – показательно зыркаю на Адама и четко произношу: – К себе домой. Один.

В целом день вышел очень даже удачным. Мы много смеялись, разговаривали о простом: о птичках, скворечниках, аттракционах. Адам постоянно задавал Ане вопросы: много ли у неё друзей, какое у неё любимое блюдо, любит ли она собак и кошек. А я про себя отметила, что он действительно пытается узнать о ней больше.

Ему это интересно. Аня это чувствует и раскованно включается в разговор.

– Слуу-ушай, – Адам кладёт меню перед дочкой, – смотри, какая картошка. В виде мышки.

Сидим в кафе. Последний рывок, и нужно будет домой возвращаться.

– Берём? – участливо интересуется Адам.

Я представляю, что будет дальше.

Анюта, зыркнув на отца, тут же сморщила носик.

– Нееее, я не буду картошку, – и показательно отодвигает от себя меню. Мужчину забавляет живая детская реакция. – А есть ещё что-нибудь?

– А чего бы ты хотела?

– Ммм... – доча сосредоточенно думает, приложив пальчик к губам, и выдаёт, – макароны и сосиски! И сок!

С последним словом Аня неуверенно смотрит на меня. Я вообще-то сама соки не пью и дочери не даю. Или нещадно разбавляю водой. Что-что, а за ее питанием слежу особо тщательно! И на вечные слова мамы «да дай ты ребёнку сок, она ж любит» всегда отвечаю одинаково: хочешь ее порадовать – свари компот. Морс сделай. Кстати, последний у нас периодически бывает. А ещё мы с Анюткой любим чай с облепихой, апельсином и мёдом.

– Ну давай пасту возьмём... – задумчиво перелистывает меню Адам. – Ну вот... можно... можно вот таку-ую.

– С колбасками? – сверкает глазками эта милейшая принцесса.

– Есть твои любимые креветки. А есть паста с рыбкой. Хочешь? – вмешиваюсь в разговор.

– А с колбасками не-еет? – надежда в детском голосе, как всегда, немного стучит мне по голове. Но разум настаивает: успеет она колбасой наесться. И я решительно машу головой.

Адам тут же воинственно вступается за дочь:

– Вообще-то...

– Вообще-то морепродукты полезнее, – заканчиваю за него фразу, и он тут же успокаивается.

– Ммм... ну ладно! Тогда я хочу с креветками!

– А ты очень их любишь? – не теряется Адам и вновь пускается в расспросы.

Доченька охотно рассказывает о своих интересах и вкусах. Она легко идёт с ним на контакт. Вообще она легко идёт на контакт почти со всеми. И только с Лешей меняется до неузнаваемости. И я иногда задумываюсь: может, это звоночек? Может, стоит прислушаться? Что я чувствую к Леше, если отбросить посторонние факторы и оставить только нас с мужчиной вдвоём? Не успеваю ответить на свой вопрос, как в сумке оживает мой телефон.

Только о нем подумала... Леша знает, что мы сегодня в первый раз втроём встречаемся с отцом Ани.

АДАМ

Юля как-то уж слишком печально взглянула на телефон и сообщила, что отойдёт на минутку. Она отошла не очень далеко, чтобы можно было держать нас в поле своего зрения.

Я стараюсь не думать о ее негативном настрое, но это отчего-то очень цепляет. Ну все могу понять, но сейчас не время неприязнь и холодность демонстрировать. Хотя... я, должно быть, и сам придираюсь: от девушки ни единого плохого слова и даже саркастичного намёка я не услышал. Но холодом веет так, что хочется включить обогрев.

Провожая взглядом хрупкую фигурку, а когда осознаю это, резко отворачиваюсь. И возвращаюсь к Ане.

Сажу и просто рассматриваю дочь. Она скручивает желтую бумажную салфетку. Сначала я подумал, что Аня волнуется оставаться со мной наедине, и проявляется это вот так... Но спустя минуту понял, что она просто сосредоточенно мастерит что-то вытянутое.

– Что делаешь? – пытаюсь начать разговор.

– Это маме цветочек. Нас в садике Алена Викторовна научила.

– Тебе нравится в садике?

– Нет. С мамой лучше. Но мама говорит, что у каждого своя работа. У неё – журнал. У меня – садик.

Я подаюсь вперёд и зачем-то уточняю, хотя мне-то вроде как все равно.

– А мама в журнале работает?

– Да. Она редактирует статьи, которые ей отдают на проверку, – малышня задирает нос кверху и довольно прищуривается.

У меня чуть челюсть вниз не съехала. Юля в журнале? Редактором? Хм...
Никогда бы не подумал. Интересно, а на какую тематику статьи?

– Анют, – я знаю, что Юля меня прибьёт, но все равно спрошу. Придвигаюсь ближе и понижаю голос до доверительного шепота, – а почему папа с вами не гуляет? Не хочет?

– Хочет.

Я опешил. Я... я...

– Просто он живет в другой стране, – поясняет Анюта, как само собой разумеющееся, а меня словно молния пронзила – даже пошевелиться не могу, и в груди что-то жжется. – И не может приехать. А ещё у нас нет его телефона. Поэтому позвонить мы тоже не можем.

– А ты бы хотела с ним когда-нибудь встретиться?

Она пожимает плечиками и голодным глазами смотрит на только что появившуюся перед ней тарелку.

– Это мнее-е? – тянется квилке, и я не успеваю ответить, как внимание Ани переключается. – Ой, смотри, танцуют.

Пальчиком она указывает на большой экран на стене. Да, действительно, телевизор включён, по нему гоняют клипы.

Дочь (называть так Аню даже про себя ещё слишком непривычно, но мне это уже нравится) неотрывно следит за происходящим в телеке и даже начинает немного подражать.

– Танцами занимаешься? – подпираю щеку и восхищённо смотрю на малявку. И не могу подобрать слов. Какая же она...

– Да. В садике. Мне мама купила купальник розовый, – Аня как будто расцвела и прижала к сердцу руки, словно обнимает тот самый розовый купальник. А я просто плыву от ее лучистых глаз и детской искренности.

– Ты любишь танцевать? – мелкая такая, а уже свои интересы и увлечения есть. Я с малыми никогда не общался. Почти. У Софки племяшка была. Но она совсем не такая, как Аня. Все время ныла и орала, если что-то не по-её. Я долго никогда не выдерживал. А тут как будто со взрослым человеком разговариваешь. Когда тебя слышат.

– Угу, – тащит в рот креветку. Сначала прожёвывает, а потом заявляет: – Мама обещала меня отвести к настоящему тренеру. Когда-нибудь.

Последняя фраза напрягает. Почему – не знаю, но царапает так, что становится не по себе. Как будто с этой фразой связано что-то важное. Такое, что нельзя пропустить мимо.

– А давай я спрошу у мамы, и мы через пару недель вместе с ней тебя отведём к тренеру? Я тебе самого лучшего найду. Доброго и опытного. Давай?

В глазах малышки мелькает яркое чувство, но Аня тут же вновь переключается на креветки.

– Мама говорит, сейчас нельзя. Вот когда можно будет, тогда да.

– А почему сейчас нельзя?

– Мама говорит, что ещё рано. И надо сначала к врачу съездить. Вот когда сердечко выздоровеет, – Аня кладёт ладошку на рёбра слева и воодушевленно продолжает, – вот тогда можно будет.

Я не ожидал совсем. Не успел закрыться и подготовиться. Поэтому мощнейшая волна паники сбила меня с ног сразу же. На секунду на меня навалился весь ужас того, что я сейчас услышал. Это какие-то страшные слова. «Когда сердечко выздоровеет». У моей дочери проблемы со здоровьем?!

Все слова разом выветрились из головы, и только отголоски звонко отдаются в ушах:

«Когда сердечко...», «когда сердечко...», «выздоровеет...», «сердечко выздоровеет...», «когда выздоровеет...»

А когда оно выздоровеет?!

подавив тяжелое чувство, наполовину сожравшее душу, я, сцепив ладони под столом, стараюсь как можно спокойнее произнести:

– Анют, а вы часто с мамой у врача бываете?

Дочь с энтузиазмом уплетает пасту, полностью сосредоточившись на тарелке. Но я терпеливо дожидаюсь ответа и момента, когда Аня вновь переключит на меня внимание.

– Нет, не часто.

Тяжело сглатываю, впиваясь в детское личико виноватым взглядом: меня не было рядом. Я **ВООБЩЕ** ничего не знал. Насколько серьезные у нее проблемы?

Дальше я просто молчу, наблюдая, как она вновь накаливает креветку. И оглядывается, обводя зал глазами.

Возвращается Юля, с каменным лицом. Над столом повисает тягостное молчание. У девушки, видимо, тоже не сложился разговор.

– Мам, смотри, это тебе, – мгновенно оживает Аня и протягивает Юле скрученную салфетку. А я точно подмечаю момент, когда печаль в её глазах сменяется неуловимой нежностью и наполняется мягким свечением: когда она смотрит на Аню. В голове что-то щёлкает, и я неожиданно вспоминаю, как раньше Юля на меня смотрела. Так же. Вот таким же мягким задумчивым взглядом...

ЮЛЯ

Адам был странно молчалив всю дорогу домой. Он вызвался нас проводить и бескомпромиссно залез в такси на переднее сидение. В конце заплатил за поездку, не принимая никаких возражений, и первым выбрался из авто, распахнув дверь с моей стороны.

– Спасибо, что проводил, – смущённо бормочу, опираясь на протянутую руку.

– Я поднимаюсь, – грохочет в ответ. И пилит негодующим взглядом.

– Поднимаешься? – растерянность собственного голоса удручает. – Не нужно. У нас с Анюткой ещё много...

– Я. Поднимаюсь.

Что-то в его интонациях не позволяет возразить. Я не припомню отзвука закаленной стали в голосе этого мужчины. Насмешку, легкость, томность, возмущение, облегчение... но не тот тяжелый посыл, что улавливаю сейчас.

– Зачем?

В ответ на короткое уточнение Адам быстро бросает:

– Поговорить.

– Весь день же рядом были. Почему не...

– Без Ани, – пригвоздил меня к месту глазами.

– Давай в другой раз?

– Нет. Не в другой. Сейчас.

Сейчас немного затянулось. Но когда я уже дома посадила Аню за мультики и вернулась в кухню, Адам, плотно прикрыв дверь, ошарашил вопросом:

– Юль. У Ани что, с сердцем проблемы?

Я этого, собственно, и не скрывала, но вопрос задан таким тоном, что мне становится некомфортно.

Адам приблизился ко мне... слишком. Глаза горят негодованием. Возмущение в мужском голосе зашкаливает. А что он хочет от меня услышать?! Я должна об этом трубить на весь мир?!

– Ты хотел с ней пообщаться. Ты пообщался. Не спрашивал о ее проблемах. Не интересовался ее успехами. Что за наезды?

– Какие конкретно у неё проблемы со здоровьем? – он приблизился ещё на шаг. И теперь нависает надо мной.

Рассказывать ему о нашей жизни не хочется ничего. Как будто он отдельно, мы с Анюткой отдельно. Да и к чему сложности, если он скоро исчезнет? Но вопреки собственным мыслям спокойно произношу:

– У неё порок сердца. Вскоре после рождения пришлось делать операцию.

Мне показалось, или он побледнел?

Это, конечно, очень тяжело слышать. Я до сих пор с содроганием вспоминаю ужасный вердикт: ребёнок родится нездоровым. Новости оглушили. В тот момент даже пальцами пошевелить для меня стало невозможным. Как сейчас помню: хоть слово сказать пытаюсь, а никак. Выдохнуть, и то не получается. Спрашивать что-то ещё у доктора просто страшно. Потому что весь воздух из легких выбит. Я была не готова к ребёнку, все получилось очень сумбурно и неожиданно, но... собственная глупость – это одно. А то, что моя малышка, с которой я уже тогда сроднилась и очень сильно ее ждала... что она, возможно, не сможет выжить... на тот момент ударить меня сильнее было невозможно. Врач сказал, что нервы не доведут до добра. И всегда есть шанс. Просто нужно его использовать. Просто нужно верить... я помню, как он мне это говорил, а в глазах его сбивающее с ног сочувствие. Внутри все сгорело дотла в тот момент. И если ещё хоть какие-то сомнения у меня оставались насчет того, что после родов, может быть, стоит попробовать позвонить Адаму ещё раз... что я, может быть, поступаю неправильно... То после страшного диагноза всякие мысли по этому поводу улетучились окончательно. Пусть Адам живет спокойно. Легко, как

привык. А мне не об этом нужно было думать.

Как кошмарный сон мелькают бесцветные воспоминания. Такие ужасные... мамина сгорбленная фигура, лицо в ладонях, мучительное ожидание... эмоции на пределе...

– Ты хоть что-то еще можешь пояснить?

– Ей сделали операцию после рождения. Это было необходимостью. Сердце неправильно гоняло кровь.

– Сейчас какая-то опасность есть?

Металл в мужском голосе не позволяет отмахнуться полностью.

– Сейчас все хорошо, но врачи говорят ее беречь. Щадящие спортивные нагрузки и все такое, – на самом деле, там много чего, но зачем это Адаму сейчас... если захочет – как-нибудь в другой раз расскажу. А сейчас меня слегка пугают плотно сжатые челюсти и недобрый огонёк в глазах.

– Ты мне не хотела об этом говорить?

Я даже Леше ничего не рассказывала. Мужчина знает лишь облегченную версию: у дочери небольшие проблемы с сердцем, нужно наблюдать. Все.

– Если ты через три месяца забудешь о ее существовании и начнёшь устраивать свою жизнь, к чему лишние разговоры? Наши проблемы... они только наши.

Он горестно прикрывает глаза и отворачивается на пару секунд. Пытается восстановить душевное равновесие. Понимаю, тяжело мои слова воспринимать.

Подбородок Адама недовольно выдвигается вперёд, а сам мужчина приближается вплотную. Он выше меня и теперь опасно нависает. Цедит сквозь зубы:

– Юля, – прерывисто выдыхает, – прекрати так себя вести. Я о дочери не забуду. Как бы тебе этого ни хотелось. Я хочу все знать о ней. Особенно то, что касается

здоровья. Особенно проблемы в этом плане. Особенно если я могу помочь.

– Я тебя слышала. Если ты чем-то сможешь помочь – узнаешь об этом первый. Мне кажется, тебе пора.

Адам хмурится. Я вижу, он еле сдерживает эмоции. Я подумаю, в какой форме и что ему открыть. Возможно, копии медицинских заключений сделаю. Возможно, просто кратко расскажу ему подробности... А возможно, я и так все делаю правильно...

– Как конкретно сейчас обстоят дела? Вы регулярно показываетесь врачу?

– Да. Она живет обычной жизнью. Как все дети. Не считая некоторых ограничений.

– Она хочет заниматься танцами. Это запрещено навсегда? Ей вообще серьезные физические нагрузки противопоказаны?

– Нет. Я просто слегка ограничиваю. Но приятно, что ты интересуешься ее увлечениями.

– Есть причины переживать даже сейчас? – настаивает. Он очень взвинчен. Удивительно, как резко он воспринял известие о болезни дочери.

– Причин нет. Но меры предосторожности никто не отменял.

Я уже вроде как свыклась с мыслью, что Адам так или иначе будет присутствовать в жизни дочери. Мне бы, конечно, не хотелось с ним пересекаться на постоянной основе... но если ему очень уж хочется и он так активно настаивает...

– Юля. Я хочу, чтобы ты понимала. Аня не только твоя дочь, но и моя. Если ты будешь это отрицать потом и способствовать тому, чтобы наше общение с ней сошло на нет...

– Успокойся. Не буду. Общайтесь, – спокойно проговариваю прямо в его лицо. И... готова поклясться... ощущаю жар его дыхания. На своей щеке. – Ты все

выяснил? – отворачиваюсь.

– Самое важное. Что ее жизни и здоровью сейчас ничего не угрожает. Правильно?

– Правильно, – опускаю глаза в пол. Не хочу встречаться с ним глазами. Он столько всего пропустил... Столько всего произошло в нашей жизни... Кажется, что Адам просто человек с улицы. Абсолютно чужой для нас. И неважно, что несколько лет назад я принадлежала ему полностью. А теперь, пожалуйста, уезжай.

– Спасибо, что врать ей не стала про папу космонавта. Или поливать грязью.

– Обращайся, – отвечаю слабым голосом и делаю шаг в сторону, осторожно стараясь отдалиться от этого человека. Невыносимо стоять с ним рядом. Что-то неприятно тянет в душе, напоминая о прежней боли. Всему этому уже нет места в моей душе, но изнутри поднимаются волны болезненных воспоминаний и старых обид. Ничего – я уже взрослая девочка. Намного взрослее, чем была пять лет назад. Этот надрыв просто от разговоров о прошлом. Больше ничего.

Глава 14

– Простите, я заказывала машину с детским креслом!

Раздражение, копившееся все утро, начинает медленно просачиваться в кровь. Ужасное чувство необъяснимой безысходности. Хотя ничего из ряда вон не произошло. Странное ощущение. Непокойно.

На работе, как всегда, аврал. А с утра было особенное пекло. Дел до одного места, но я аж за неделю отпрашивалась у руководства, чтобы Анюту отвезти к врачу.

В общем, до обеда меня уже задёргали, так что издательство я покидала, будучи на взводе. Пока доехала до сада, удалось хоть немного остыть.

– А?! – водитель такси как ни в чем не бывало бросает на меня равнодушный взгляд. – Мне пришел заказ, я и приехал, – улавливаю акцент в его голосе.

– У вас что-то напутали.

Как же раздражает! Почему так не вовремя?! Именно сегодня все как с ума посходили! Шикарное «доброе» утро при малейшей возможности тыкает меня носом во что-то дико неприятное, будто заявляя: от сегодняшнего дня ничего хорошего не жди.

– Ну позвоните своему оператору, скажите, что перепутали заказы! Пусть машину другую пришлют! – так, этот вообще как истукан. Еще и агрессивный.

Я резко сжимаю ладони в кулаки, мысленно уговаривая себя успокоиться. Злостью делу не помочь. Смысла огрызаться нет.

Захожу в приложение и делаю новую заявку, отменяя текущую. Если с меня при таком сервисе еще и за ожидание деньги снимут, то мне совершенно точно сегодня не везёт.

Таксист уезжает. Вот же, а?! Хорошо, мы немного раньше времени с Аней вышли, и сейчас есть возможность вызвать другую машину.

Нетерпение заставляет поглядывать на часы. Я взвинчена, а Аня радостно разглядывает небо и облепивших все дерево голубей.

Я еле-еле дождалась такси. У меня нервы на пределе. Переживаю так, что не выразить словами.

Так, вот и машина. Детское кресло, как и заказывали, в наличии, все нормально. Но уже через десять минут водитель раздраженно цокнул языком и огорошил словами: нужно притормозить на обочине, двигатель закипел.

Только этого ещё не хватало!

Мне хочется плакать от бессилия. Что за день такой?!

Ругаться и тратить время нет абсолютно никакого желания. Уже второй раз за последние пятнадцать минут выхожу из машины, чувствуя себя поверженной. Расстёгиваю детские ремни безопасности. Ничего. Прокатимся в метро, чтобы ускорить процесс. До него доедем на автобусе. Мы не опоздаем. Не опоздаем...

– Мам. А мне точно больно не будет?

Две женщины, стоящие рядом со мной, неодобрительно косятся в мою сторону.

Анюта тоже осмотрит на меня, но с осторожностью, словно чувствует мое внутреннее состояние. И сама переживает.

– Ну что ты, малыш. Мы с тобой часто обследования проходим. Тебе раньше было больно?

– Ну... – доченька опускает глаза. – Мне... нет...

Мое солнышко не слишком жалуется врачам. Много их было в нашей жизни.

Проверяю время. Нормально. Успеваем. Проволочка с таким, конечно, крайне неуместна, но ничего. Прорвёмся.

В метро пришлось отстоять очередь, потом потоптаться на спуске.

В медцентр мы приехали с опозданием почти на пятьдесят минут. А если бы вызвали третье такси, скорее всего, ничего бы не изменилось. Только пробки бы собрали.

– Извините. Но Марк Андреевич уже с другими пациентами... – сочувственно взирает на меня администратор из-за стойки ресепшена.

– Да, но мы ведь не слишком сильно опоздали, – я сама не верю в то, что говорю.

Как такое могло получиться – не знаю. Выехали же прилично заранее!

– Обычно пропущенные посещения некуда вставить. Я посмотрю, что можно сделать.

– Спасибо большое. Очень неприятная ситуация. Мы дождёмся... вдруг Марк Андреевич сможет принять нас между записями.

Внутри поднимается буря. Не может все быть так критично!

Но когда стало очевидным, что времени на нас у врача нет, я прилично запаниковала.

– Возможно, он сможет принять нас чуть позже, – уже в который раз подхожу к стойке ресепшена.

– У Марка Андреевича после запланированных приемов круглый стол с коллегами.

– Хотите сказать, что он нас вообще не примет?!

Аня нервно сжимает мою ладонь. Мне нужно быть поспокойнее, волнение передается котёнку.

– Вы пропустили очередь, мне жаль. А у Марка Андреевича очень плотный график. Он всего два дня приём ведёт, а завтра уже улетает обратно за границу.

Меня словно по голове ударили, как это не примет?!

– Елена, – бросаю быстрый взгляд на бейджик, фиксируя имя. – По досадной случайности мы не приехали вовремя. Но мы готовы подождать в порядке живой очереди. Да и вместо нас ведь кто-то зашёл, а значит, мы может пойти на приём вместо того человека... Или после всех...

– Я донесу информацию до доктора. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Мам, мы что, опоздали? – Анюта садится на стул возле кабинета и начинает рассуждать вслух. – И нас теперь не примут?

– Примут, малыш, не волнуйся. Чуть позже.

Но чуть позже ситуация не изменилась. Не помог разговор ни с врачом, ни с администратором.

Чувствую, что нужен глоток свежего воздуха. Вроде и ничего такого, но мне нужно было именно к этому доктору!!!

Оставляю дочь сидеть на стуле с ее любимой игрушкой подмышкой, а сама, отойдя в сторону на три шага, чтобы не выпускать её из виду, достаю телефон.

Просто капля поддержки. Любой. Любое доброе слово, уверение, что можно что-то придумать ещё. Что все еще обойдется...

– Да, Юль. Занят очень, давай кратко. Как съездили? – раздаётся сухой тон в трубке. Вопреки участливым словам, в голосе мужчины я чувствую раздражение и равнодушие.

– Мы опоздали. Представляешь? И теперь....

Сбивчиво рассказываю все по порядку, а Леша просит закончить побыстрее. Мне необходимо выговориться, не могу молчать. Может, услышу дельный совет. Что делать? Продолжать под дверью сидеть... или что?! Настаивать на приеме? Но мы и правда сами виноваты, а если у врача нет времени... меня уже несколько раз послал администратор. И один раз я сама подходила к врачу...

Сколько же мы тут уже сидим?

– Ты придаёшь излишнее значение мелочам. Просто запишись на приём в другую клинику, где работают проверенные специалисты. Они нормально проконсультируют. Выбери клинику получше. Даже если и дорого, оплатим – не проблема. Не спеши расстраиваться, Юль. Мне пора.

– Спасибо, Лёш. Это именно то, что мне нужно было услышать.

– Юль, я перезвоню чуть позже. У меня важный разговор.

Да, конечно. У него всегда важный разговор. Или встреча. Или поездка. Или вечер. Всегда. Скрепя сердце ловлю себя на мысли, что Лёши в моей жизни недостаточно именно как мужчины. Когда хочется просто опереться на чье-то плечо. Да и, что греха таить, просто поделиться чем-то значимым или выговориться. Да, мама почти всегда меня поддерживает, но это немного другое. У меня нет чувства защищённости. Нет уверенности, что если у меня что-то случится, Лёша как минимум потрудится поднять трубку, я уж не говорю про сорваться с места. Потому что он мне нужен. Скорее всего, он просто сбросит вызов, отправив встречное смс: «Перезвоню. Я на совещании». Или скажет: «Юль, да ты не заморачивайся. Ничего непоправимого нет. Если надо – я все оплачу, делай, что необходимо». Мне почему-то захотелось добавить: «Только меня не трогай».

Вот и сейчас мне просто необходимо было услышать, что я не самая плохая мама, если опоздала на приём к врачу, которого ждала чуть ли не полгода. До сих пор не понимаю, как так все пошло наперекосяк. Но... возможно, Лёша и прав. Успокоиться и просто сходить к любому другому доктору в городе. А такого уровня специалисты, как Марк Андр...

– Мамочка, у тебя телефон звонит, – нежные ручки гладят меня по волосам. Терпеть не могу, когда кто-то трогает мои волосы или лицо. У меня прям пунтик. Но Аня вкладывает в жесты всю свою заботу. Дети очень чувствительны. Вот и сейчас доченька видит, что я сильно переживаю, и старается поддержать, как может.

Чувствую себя никчемной и жалкой. Не смогла вовремя привезти ребенка в клинику!

Смаргиваю подступившие слёзы и вытягиваю телефон из сумки.

Равнодушно бросаю взгляд на короткое мужское имя. Не хочу отвечать... только его наездов для полного счастья не хватало!

– Мам, ну ты чего. На! – Аня толкает мою ладонь с зажатым мобильником ближе к моему лицу.

И ещё кивает на телефон и пальчиками так забавно дрыгает, мол, давай-давай.

Отчаянно выдохнув, я принимаю вызов, стараясь влить в голос ну хоть толику воодушевления или спокойствия.

– И тебе привет, – тут же настораживается Адам. Мои уловки, видимо, не сработали совсем, потому что мужчина подозрительно уточняет: – давай рассказывай, что случилось.

– Да я... я... – неожиданно горло хватает спазм и эмоции, накопившиеся за день, укрывают. – Я тебе потом перезвоню, ладно?

Голос дрожит, уже не получается делать вид, что все в порядке.

– Эй-эй-эй. Никаких потом. Что стряслось?!

Представляю, как лицо Адама вытягивается, а он вскакивает с места.

– Мы опоздали на приём к врачу из Германии. Я несколько месяцев ждала, когда он к нам приедет, чтобы Аню показать. И... и я... я даже не смогла ее привезти вовремя! – срываюсь: самообладание мне отказывает, а нервы уже сдали. – Я идиотка! Он принимает всего два дня! И завтра он уже улетает! Пропущенную очередь никак не вернуть. Мы почти на час задержались... и ждём теперь полдня в надежде, что у него появятся лишние двадцать минут, – жалобно всхлипываю. У Адама только что появилась небывалая возможность у виска покрутить и вылить на меня ведро помоев, уточнив, что мне нельзя доверить ребёнка...

Приготовившись услышать худшее, стираю со щеки одинокую слезинку. Чувствую себя абсолютно бестолковой и бессильной...

Убийственно добиваю сама себя:

– Первое такси приехало без детского кресла. Второе сломалось прямо в дороге. В итоге мы поехали на метро, а пока добрались... уже наша очередь прошла.

– Юль, ты заканчивай слякоть разводить. Всякое случается, причём в самый неподходящий момент. Ты чего мне-то не позвонила? Я бы перенёс встречи и сам вас отвёз, на прием бы с вами сходил, ну!

На это мне ответить нечего. Напрягать не хотелось, я привыкла все одна тянуть. Да и просить его о чем-то – тоже не было желания, к чему демонстрировать свои слабости? А в итоге... кому хуже сделала?

– Так, ты не переживай, договор? Скинь мне адрес или название клиники. Можешь просто точку геолокации. Я скоро подскочу, – слышу, как на заднем плане громко хлопает дверь. И раздаётся приглушённый голос Адама: – Меня до завтра не будет, перенеси все, что на вечер было. Ты плохо слышишь? Я сказал, перенеси. Налоговикам сам позвоню. Гурацкому тоже.

Ошарашенно смотрю на Аню, шмыгая носом. Это он к нам сейчас приедет? Отложив все дела? Кажется, я его недооценила. Вопреки всякому здравому смыслу, из низов поднимается мощная волна благодарности и облегчения. Это странно. Я привыкла все тянуть на себе сама. Но сейчас все сошлось в одной точке и любая мелочь кажется концом света, а ещё я ноготь сломала. Отмечаю это, нащупывая подушечкой большого пальца острый уголок...

Прошло совсем немного времени, а я уже наблюдаю за тем, как Адам разговаривает с девушкой за ресепшеном. Я вижу, что она откровенно строит глазки мужчине, хлопает ресничками и взволнованно подаётся вперёд. Ага. Я тоже когда-то такой дурой была. Уши развесила, придумала себе то, чего нет, и сама же поверила. Но можно же свои «брачные» игры оставить и на потом!

– Мам, а Адам приехал, потому что тоже расстроился, как ты?

– Адам приехал помочь, попросить, чтобы нас сегодня все же приняли, несмотря на опоздание. Мы же так долго ждём.

– А, понятно.

– Ну что, девчонки. Посидим ещё. Кто хочет чай или кофе? Или шоколадку? – Адам вытаскивает из кармана косухи маленькую шоколадку. Лёша на такие всегда говорит «пробник». А мне удобно. Съел пару долек, Аня одну утащила, и удовольствие получили, и упаковку выкинули, и остатки не валяются, и все счастливы.

– Я хочу! Мама, можно? – мое маленькое чудо поворачивается ко мне и вопросительно уточняет.

Так мы сидим ещё какое-то время. А Адам тихонько развлекает нас забавными историями.

– Мам, – неожиданно дочь шепчет в ухо, – я в туалет хочу.

Когда мы вернулись, заметили, что Адама на диване нет. Он стоит рядом с доктором и о чем-то тихо беседует. У меня прямо сердце екает.

– Да, конечно, у всех своя работа. Я все понимаю, сами опоздали и нагнать здесь не к месту. Просто за дочь волнуюсь. Хочу именно вам ее показать. Если не сейчас, хоть намекните, в каком городе можно будет попасть к вам в будущем, – Адам разговаривает спокойным обыденным тоном, как со старым знакомым.

– Придётся ехать в другую страну, а не город, – Марк Андреевич строго смотрит на Адама.

– Нет проблем. Скажите куда. Где-то можно найти контакты? Как узнать, куда везти ребёнка?

Врач добродушно улыбнулся, и глаза его немного сузились, а вокруг них углубились морщины.

– Мне через пятнадцать минут нужно быть в другом здании: у нас заседание. Извините. Все вопросы к администратору сего мероприятия. Кратко скажите, какого рода проблемы у ребёнка?

Адам быстро подзывает меня и просит в общих чертах пересказать суть.

Я начинаю сбивчиво объяснять, озвучивая странный диагноз. Говорить о восстановительном периоде. И уточняю, что чуть меньше года назад врачи зафиксировали ухудшение. Мы опять проходили кучу обследований, а мнения специалистов разнились. Кто-то назначал довольно тяжёлые препараты, чтобы избежать возможных неприятных последствий и стимулировать работу сердца, так сказать, во избежание, кто-то говорил, что ни в коем случае этого нельзя делать и организм должен развиваться вместе с ребёнком. Резкое медикаментозное вмешательство необходимо только в случае жесткой необходимости, и пока правильнее придерживаться облегчённой корректировки выявленных отклонений и тщательного мониторинга, потому что наперёд предсказать, как поведёт себя организм ребёнка, не сможет никто.

Так или иначе, никаких серьёзнейших, как говорили врачи, отклонений все же не было, лишь тревожные звоночки, а позже показатели постепенно пришли в норму.

Адам смотрит на меня очень серьезно, словно все это он знает и так. Даже вида не подал, что услышанное его удивило. Лишь коротко добавил, правильно истолковав мое стремление попасть именно к этому врачу:

– Нам очень важно услышать именно ваше мнение.

Это правда. Он не рядовой врач, он приехал к нам из Германии принять участие в медицинской конференции, дав согласие организаторам на двухдневный прием в свободное время. Причем бесплатный.

Седовласый доктор поджигает губы ровно в тот момент, как слышит своё имя:

– Марк Андреевич, время. Почти все уже собрались, – мне известно, что вечером у него круглый стол, посвященный узконаправленной специфике из области кардиохирургии.

– Контакты у администратора. Я предупрежу, – и уточняет, насколько свежий у нас на руках мониторинг, имея в виду комплекс обследований.

– Все в динамике. Последние результаты самые свежие, – уверяю.

– Перешлите их мне. Взгляну.

Мы рассыпаемся словами благодарности, я, крепко прижав Анюту к себе, смотрю вслед доктору, который в данный момент торопливо переговаривается с администратором и кивает на нас.

– Устали? – Адам глазами указывает на лестницу.

– День сумасшедший. Домой хочется, – произношу отстранённо. Столько мыслей в голове... за Анюту я сейчас спокойна, спасибо Адаму, а вот в душе раздрай.

У меня сейчас такое состояние... необходимо побыть одной. С самого утра мои нервы проверяются на прочность. Нет, я ничего не имею против Адама. Напротив, я бесконечно ему благодарна за такую поддержку. Он сорвался и приехал. Просидел с нами вечер. Хоть я не просила. Да, не каждый сможет так сорваться. И необходимости, на самом деле, не было, но... Я понимаю, что время – один из немногих ресурсов, который ничем никогда не заменить. Именно время расставляет приоритеты в нашей жизни, выделяя то, чему мы готовы уделять внимание чуть больше, чем остальному.

Врачу я позже отправлю сканы документов. Еще раз спасибо Адаму...

Но сейчас почему-то очень хочется увидеться с Лёшей и спросить его: хоть когда-нибудь он сможет найти время и желание вставить меня в забитый график тогда, когда это нужно мне?

Я не просила его приезжать. Я не просила решать мои проблемы. Я не просила ничего сверхъестественного. Я в состоянии додуматься и записаться к другому специалисту в случае неудачи. Я прошу просто выслушать меня. Поддержать морально. Сказать мне что-нибудь приободряющее, а не раздраженно отмахиваться: я занят сейчас, не до тебя, не кипишуй. Вон бабки возьми и разгребайся. Все оплачу. А я на совещании. Не забудь, что в субботу ты ко мне едешь...

Впервые мне захотелось отменить нашу выходную встречу. Впервые нет желания его видеть. И неважно, что ничего критичного не произошло. Я хочу чувствовать от него поддержку и хотя бы мизерное моральное присутствие! А у нас на самом деле как-то все повелось... да я и сама это поддерживала, мне

было проще, потому что я научилась ценить своё время и свободу. Слова мамы сейчас режут по живому особенно болезненно: что это за отношения такие и встречи по субботам? Его вообще нет в твоей жизни.

И правда, нет. За приём в клинике я в состоянии заплатить сама. И за путевку с Анюткой на море – тоже. Сколько раз он отмахивался от меня, когда ему было неудобно? Не счесть. И почему я раньше ничего этого не замечала? Он говорил про семью? Семья это опора и поддержка. Я с Лёшей не из-за денег. А теперь получается, что между нами, кроме постели и «я все оплачу», мало что есть. И это бьет с размаху. Но хуже всего, что меня все устраивало и я сама топила за такие отношения. Именно потому, что морально привязываться и опираться на кого-то мне не хотелось. А теперь, когда все же привязалась, тяжело осознавать, что спустя полгода мы с Лёшей все также стоим у подножья, продолжать надо, начиная все с нуля, а опора так и не появилась. И скорее всего оттого, что я изначально взяла не тот вектор. Снова не тот...

– Спасибо, что приехал, – искренне благодарю Адама. В какой-то момент эмоции укрыли, а сейчас я немного отошла. – Тебе необязательно было срываться.

– А тебе необязательно было самой это решать. Буду благодарен, если в следующий раз поделишься планами, связанными с Аней. А что за ухудшение было несколько месяцев назад?

Адам вызвал нам такси, и пока дочь катается с горки на детской площадке в ближайшем дворе через дорогу, мы с мужчиной спокойно разговариваем. Я ему рассказываю. Кратко. А он заявляет, что хочет подробностей. Знаю, что на это отвечу. Я ещё несколько дней назад собрала бережно хранимые документы и сняла с них копии. Для Адама. Пусть у него тоже будут на руках. Пусть, если хочет быть в курсе всего. Там все Анины осмотры, назначения, курсы, сведения об операционных вмешательствах.

– Такси наше, – его взгляд ловит чёрный седан. – Поехали.

– Ты с нами? То есть... – быстро исправляюсь, потому как в темных глазах блеснуло пламенное недовольство. – Я думала, ты на машине.

– Нет, я вылетел поскорее. На машине однозначно бы встрял. Провожу вас до дома, ты ж не против?

– Нет конечно. Пойду Аню звать...

Но «до дома» дело не ограничилось. Когда Адам помогал отстегнуть Анюту, он спросил ее, чем она будет заниматься, внимательно выслушав ответ.

– Мы с мамой будем рогалики делать! Знаешь, какие вкусные!

Он так печально посмотрел на дочь... сложно прочитать его взгляд и уловить весь спектр эмоций. Но горечь читается особенно ярко.

– Хочешь составить нам компанию? – слова сорвались с губ прежде, чем я взвесила все за и против. А я ведь не хотела, чтобы он с Аней общался. Но когда я вижу ее искреннюю радость от того, что Адам уделяет ей внимание, разговаривает с ней, интересуется ее делами... Мое прежнее намерение меркнет и растворяется.

– Хочу, – и тут же трясёт головой, – только я и тесто – вещи несовместимые.

Глава 16

– Да хорош тебе! Я может и профан всего, что касается детей, но отзывы-то в состоянии почитать! – возмущается и плавно выворачивает руль.

Я улыбаюсь. После того вечера, когда он остался у нас готовить рогалики с сахаром и корицей, мы словно шагнули на новую ступень общения. Обоюдная насторожённость отошла на второй план, резкость сама собой выветрилась из общения. Мы будто сплотились. Когда Адам увидел стопку размноженных документов и понял, что я отдаю их ему вместе с копией свидетельства о рождении Анюты, он некоторое время просто молчал, весь бледный листая черно-белые страницы. Никогда я не видела такого выражения лица у него раньше.

Я уловила в темных глазах невысказанный вопрос, когда мужчина посмотрел на меня. Но Адам не решался его задать. Поэтому я спокойно и без эмоций заметила:

– Да, все было очень серьезно. Разновидности этого заболевания бывают разные. У Ани порок был несовместимый с жизнью. Если бы операцию не провели сразу после рождения... – выговорить страшные слова я не смогла. Лишь сомкнула ладони, – врачи давали неутешительные прогнозы. Но шанс был. Мы счастливы. Мы не отказались от него. Второй шанс выпадает не каждому.

Адам молчит. Вообще Адам молчит редко. И чаще всего это зловещее молчание. А здесь... нечто иное. Скорбь, неверие, осознание, принятие... да, очень сложно это принять. Очень сложно.

– Ты хотел знать, поэтому я...

– Спасибо тебе, – опускает взгляд на копии, ему необходимо все это ещё раз переварить. Даже не хочу знать, что творится сейчас у него в душе. Я все это уже пережила. В многократно усиленном режиме... больше проходить через весь этот ужас не рискну. Пусть Адам сам справляется со своими чёрными топящими эмоциями. В этом я ему не помощник. Тяжелые болезни – это очень страшно, ужасное горе. Когда болеют дети – ещё страшнее.

– Я оставлю тебя ненадолго, – хочу ещё добавить «приходи как оклемаешься», но чувствую что это будет слишком, он и так сидит никакущий.

– Буду благодарен, – охрипший голос заставляет сердце сжаться. – Юля! – окликает уже в дверях. – Ты когда рожала, уже знала, что так будет?

– Да. Обычно врачи советуют прерывать беременность при таком раскладе, но в моем случае все стало известно слишком поздно. Но даже... если бы узнала вовремя, то я бы, скорее всего, не решилась на аборт...

– А мы скоро приедем?! – Аня улыбается все утро. Когда услышала, что Адам позвал нас в детское кафе, запрыгала от радости.

– Приедем скоро, – строго замечает Адам. – Но нам в любом случае ещё на заправку заезжать. Перед вами не успел, сорян.

Мужчина ловит мой строгий взгляд и отвечает извиняющимся тоном:

– Я и так фильтрую, Юль.

Лёгкий смешок вырывается из его груди, когда я закатываю глаза. Фильтрует он, ага, как же.

На автомате проверяю телефон. Лёша не звонил, не писал. В тот вечер, когда мы ездили к врачу и пропустили приём, после ухода Адама я позвонила сама. Хотела сказать все, что необъяснимо тяжёлым грузом упало на душу. Но Лёша не ответил. Лишь прислал короткое смс после того, как сбросил мой звонок: «с налоговиками на переговорах».

Я раздраженно перевела взгляд на настенные часы в кухне. Переговоры. В такое время. Конечно. Интересно, где они «переговариваются»? В бане? Или в ресторане? Мне только кажется, или раньше он находил для меня больше времени? Лёша перезвонил лишь на следующий день, но я сбросила вызов и отправила лаконичное сообщение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marika-kramor_/vtoroy-shans-ego-doch

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)